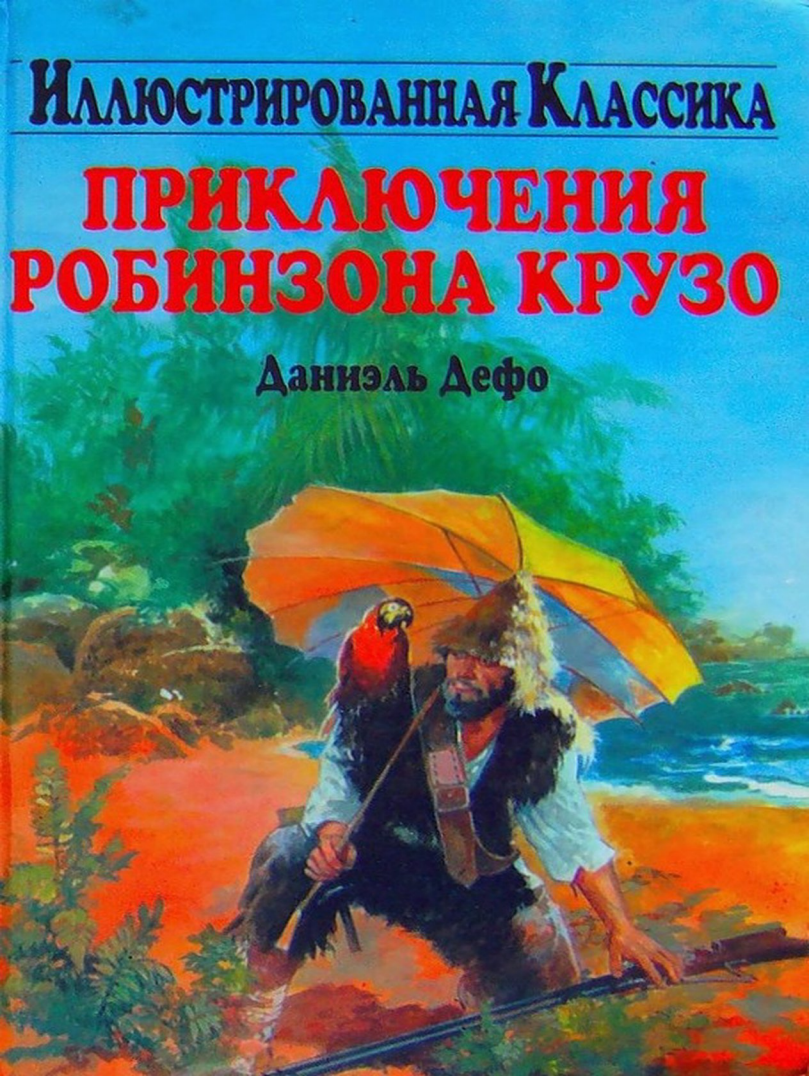
Иллюстрированная Классика

ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОБИНЗОНА КРУЗО

Даниэль Дефо

Приключения Робинзона Крузо (илл.)

Даниэль Дефо

Аннотация
Даниэль Дефо. Приключения Робинзона Крузо
Об авторе этой книги
Глава 1. Первые приключения Робинзона
Глава 2. Кораблекрушение
Глава 3. Робинзон начинает новую жизнь
Глава 4. Робинзон осваивает множество ремесел
Глава 5. Робинзон делает лодку
Глава 6. Таинственные следы
Глава 7. Людоеды!
Глава 8. Первый звук человеческого голоса
Глава 9. Пятница
Глава 10. Людоеды возвращаются
Глава 11. Два незваных гостя
Глава 12. На острове появляются англичане
Глава 13. Робинзон подавляет мятеж
Глава 14. Робинзон захватывает корабль
Глава 15. Наконец дома!

Аннотация

Широко известный роман в пересказе для детей.

Даниэль Дефо
Приключения Робинзона Крузо

Об авторе этой книги

Даниэль Дефо родился в Лондоне в 1660 году. Немало лет он учился, чтобы стать священником, но в конце концов понял: религиозная жизнь не для него — и решил заняться морской торговлей.

Он много путешествовал, торговые дела шли на лад; он женился, появились дети, дом был полной чашей.

Но, как случается порою в жизни, все его благополучие внезапно лопнуло: он залез в долги и в возрасте тридцати двух лет остался с женой и шестью детьми без всяких средств к существованию.

Тогда он решил попробовать себя в журнальном деле: начал писать для газет статьи о политике, в которых осмеливался осуждать английского короля и правящую партию, за что не один раз попадал в тюрьму.

Денег своими статьями он так и не заработал, долгов становилось все больше, из-за решетки он почти не вылезал, однако писать ему понравилось, и он задумал сочинить целый роман.

Произведение увидело свет в 1719 году, ко-

гда Даниэлю Дефо было почти шестьдесят, и оно стало одним из самых знаменитых в мире приключенческих романов. Автор назвал его «Приключения Робинзона Крузо», и даже теперь, через двести восемьдесят пять лет, эта книга читается с неменьшим интересом, чем при жизни автора.

«Робинзон Крузо» принес Даниэлю Дефо успех, славу и дал возможность рассчитаться почти со всеми долгами. Однако кредиторы все равно шагали за ним следом, и целиком избавиться от них он так и не сумел до конца жизни, хотя продолжал писать романы, которые также пользовались успехом, правда далеко не таким, как «Робинзон Крузо».

Умер Даниэль Дефо семидесяти одного года от роду, и был он больной, загнанный жизнью старик, брошенный своими неблагодарными детьми, и одинокий — почти как знаменитый герой его романа, сам Робинзон Крузо, которого море выбросило на необитаемый остров, где он провел в полном одиночестве больше двадцати восьми лет.

Остров Робинзона Крузо.

Некоторые из героев книги, с кем вы встретитесь на этих страницах:

Робинзон Крузо — моряк и торговец, выбро-

шенный на берег необитаемого острова.

Пятница — молодой туземец, ставший преданным слугой и другом Робинзона.

Испанец — пленник у людоедов.

Отец Пятницы — тоже их пленник.

Капитан корабля, приплывшего к острову на двадцать девятый год пребывания там Робинзона Крузо.

Наказ отца.

Глава 1. Первые приключения Робинзона

— …Робинзон, если ты решишь отправиться в море, — говорил сыну мистер Крузо, — знай, твоя жизнь превратится в сплошную муку и ты горько пожалеешь о своем решении.

Однако восемнадцатилетнего юношу не трогали ни слова, ни слезы старика-отца, ибо сильнее всего на свете его тянуло на морские просторы. Путешествия он считал своей судьбой и совсем не собирался сделаться судейским крючком и служить в королевском суде, о чем так мечтали родители.

— Ну, всего одно плавание, отец, — в сотый раз отвечал Робинзон. — И если оно не придется по душе, я вернусь домой и остаток жизни проведу вместе с вами здесь, в Йоркшире. Буду учиться на юриста и заниматься нудным законоведением. А пока отпустите меня ради всего святого!..

Но родители не давали согласия, продолжая пугать Робинзона морем, рассказывая, как опасна жизнь моряка, какие случаются штормы, как сбивают они корабль с намеченного курса, а то и

вовсе топят в морских глубинах или разбивают в щепки о скалы и рифы. Сколько моряков погибло — не сосчитать! А еще страшная опасность — безжалостные пираты, которые захватывают торговые корабли с грузом и всю команду убивают…

— Нет, дорогой мальчик, — говорили родители, — не будет тебе нашего благословения на то, чтобы плавать по морям…

Эти споры и разговоры продолжались год и два, однако переубедить Робинзона родители не могли: он по-прежнему мечтал о море.

И однажды…

Однажды гостил Робинзон у своего друга в городе Гулле, на самом берегу Северного моря. Отец этого друга был капитаном корабля и как раз отправлялся в недалекое плавание — всего-навсего в Лондон, но, зная, как мечтает юноша о морских путешествиях, предложил ему отправиться с ним, на что Робинзон немедленно согласился, не помня себя от радости.

На море всегда опасно.

Итак, 1-го сентября 1651 года Робинзон Крузо отправился в свое самое первое морское путешествие, за которым последовало множество других, куда более дальних и опасных — не в Лондон, а в Африку, в Южную Америку и, наконец, на никому не известный остров, затерянный в Карибском море, откуда, спустя много-много лет, он все-таки сумел вернуться домой, в Англию.

Уже во время первого плавания ему пришлось узнать о разных малоприятных вещах: о том, что такое настоящая морская болезнь, когда тебя тошнит, и тошнит, и тошнит — до невозможности… Узнать, как опасен и разрушителен шторм на море и как ужасно ощущать себя совершенно беспомощным перед свирепым ветром и вздымающимися волнами.

Но узнал он также о том, как быстро проходят и забываются все неприятные ощущения и страхи, лишь только твоя нога коснется твердого берега, и как почти сразу тянет снова в море, снова навстречу опасностям, ветрам и волнам.

Робинзон страдает от морской болезни.

Как многие другие до него и после него, Робинзон заболел морем, думал только о нем и вскоре, ослушавшись родителей, отправился во второе плавание — на этот раз гораздо более длительное и рискованное — к берегам Африки. Путешествие затянулось на несколько лет, во время которых он научился весьма успешно торговать с туземцами, а также побывал в плену у пиратов, вынужден был прислуживать их главарю и, только благодаря собственной смелости и находчивости, сумел удрать из плена на маленькой рыбацкой лодке. Впрочем, и он, и лодка неминуемо утонули бы в море во время шторма, если бы их не спас португальский торговый корабль, направлявшийся в южно-американскую страну Бразилию.

Там Робинзон нанялся к владельцу сахарной плантации, много и тяжело работал, но через несколько лет сумел приобрести собственную плантацию. Однако работников не хватало ни ему, ни его друзьям-плантаторам, и, зная, что Робинзону уже случалось бывать в Африке по торговым делам, друзья предложили, чтобы он снова сплавал к ее берегам и привез оттуда черных рабов, которые и работают лучше, чем белые, и платить им можно во много раз меньше.

Робинзон на своей плантации сахарного тростника.

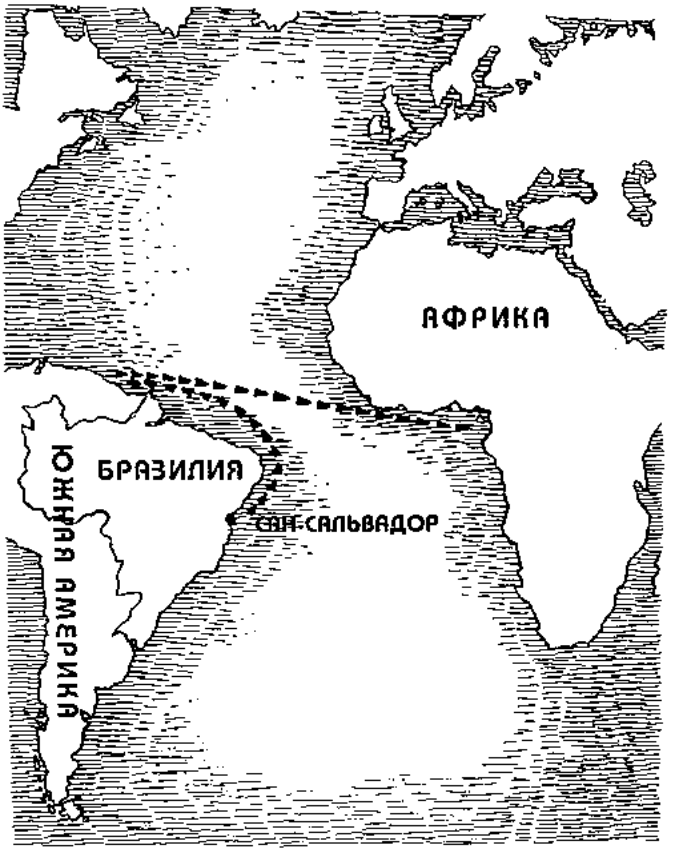
Не очень-то ему хотелось отправляться в долгое и наверняка опасное путешествие: он уже привык к своей небольшой плантации, где неплохо шли дела, к спокойной жизни.

Первого сентября 1659 года, ровно через восемь лет после своего самого первого морского путешествия из Гулля в Лондон, Робинзон ступил на борт корабля, который должен был доставить его из бразильского порта Сан-Сальвадор к западной оконечности африканского материка. Однако туда Робинзон Крузо так и не попал: вместо этого судьба уготовила ему целую вереницу приключений, сделавших его одним из самых знаменитых людей во всем мире.

Друзья обещают смотреть за его планта-

цией.

Курс, которым должен был идти их корабль.

Глава 2. Кораблекрушение

На борту корабля, отплывшего тем солнечным утром из порта Сан-Сальвадор, находилось четырнадцать человек: капитан, двенадцать матросов и один пассажир — по имени Робинзон Крузо. Груз, который они везли, был не совсем обычный — игрушки. Да, игрушечные ножички, ножницы, топорики, красивые бусы, ракушки, зеркальца. Этот товар Робинзон собирался использовать при торговых сделках с африканцами вместо денег — в обмен на еду или еще на что-нибудь. Например, на золото…

На двенадцатый день пути, когда судно приближалось к северной оконечности южно-американского материка, разразился чудовищной силы шторм и захватил их в свои щупальца. Десять суток подряд несчастный корабль мотало во все стороны, но каким-то чудом он все же держался на плаву. Однако двух моряков смыло за борт, один скончался от тропической лихорадки. Робинзон тоже несколько раз прощался с жизнью, ожидая, что его вот-вот поглотят морские волны, но, благодарение Богу, этого не случилось. Зато

с кораблем ураган расправился жестоко: паруса обвисли жалкими рваными тряпками, мачты надломились, в нескольких местах корпуса образовалась течь.

Когда ветер наконец умерил свою ярость и на море воцарилась тревожная тишина, казавшаяся чуть ли не страшнее урагана, капитан с Робинзоном обследовали судно вдоль и поперек, чтобы понять, какой ущерб нанесен, и пришли к единодушному выводу: плыть дальше в Африку на нем невозможно. Капитан считал нужным вернуться в Бразилию, но Робинзон не согласился с ним и предложил следовать по более короткому маршруту, а именно — показал он на карте, — к одному из британских островов, разбросанных в Карибском море. Самый близкий из них — видите, капитан? — Барбадос. Путь туда должен занять не более двух недель. Там они смогут сделать ремонт корабля и потом продолжат путь. Так и порешили.

Ураган пронесся над кораблем.

К несчастью, вскоре на них обрушился новый шторм и снова сбил с курса.

Всю ночь ветер мотал судно по волнам, оно то взмывало вверх, то рушилось со страшной силой вниз, и всем казалось, уже пришел конец, однако на рассвете Робинзон услышал радостный крик: «Земля! Земля!» Это кричал матрос, стоящий у штурвала и показывающий куда-то рукой.

И в этот самый момент корабль врезался днищем во что-то твердое, дал сильный крен и замер, хотя ветер и волны продолжали бить его изо всех сил. Робинзон успел с жалостью подумать: за что же судьба продолжает так наказывать бедную посудину, которая и без того почти развалилась, и тут капитан дал команду: спустить спасательную шлюпку и всем покинуть корабль!

Матросы немедленно выполнили приказание: ветер уже немного стих, однако волны продолжали бушевать, вздымаясь все выше и выше. На шлюпке не было паруса, всем пришлось взяться за весла, но куда им было сражаться с разъяренным морем.

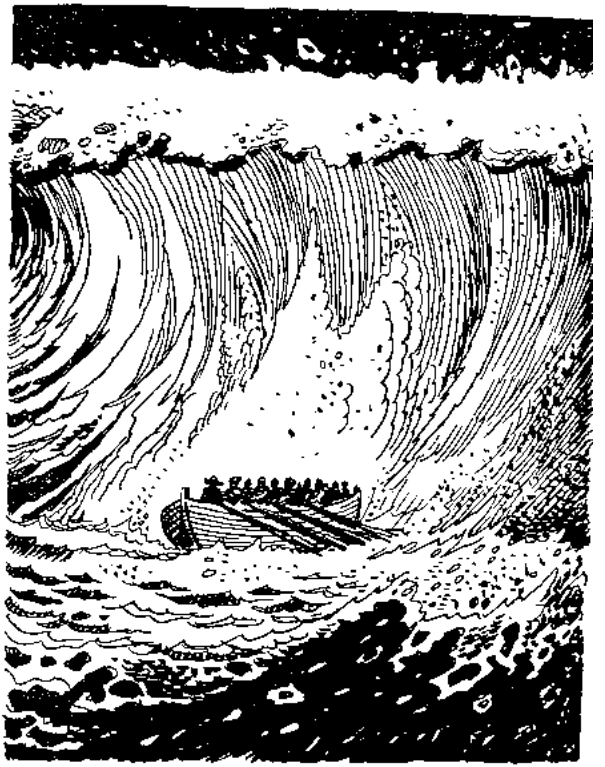
Покидают корабль на спасательной шлюпке.

Внезапно огромный вал высотой, наверное, метров в десять обрушился на них сзади, лодка

перевернулась, все сидевшие в ней, не успев вдохнуть воздуха, оказались в воде и начали тонуть. Робинзон сразу потерял из вида всех остальных членов команды, не знал, что с ними. Сам он был умелым пловцом, поэтому понял, что не надо бороться с морем, сопротивляться ему — это все равно бесполезно: пускай оно несет его куда угодно, но лучше — вон к тому недалекому берегу, который внезапно открылся глазам.

Видимо, море так и поступило: через какое-то время он ощутил под ногами песок и уже собрался встать на ноги, но не тут-то было — его накрыла новая волна и поволокла в открытый морской простор.

Огромным усилием он заставлял себя держаться на воде, даже несколькими толчками рук и ног попытался вновь приблизиться к берегу, что удалось, хотя море очень неохотно отпускало от себя. Еще дважды оно уносило его от кромки берега, но каким-то чудом он вновь оказывался вблизи него. Наконец морю надоело с ним возиться, оно обрушило на Робинзона всего одну волну, и та подняла его и ударила о прибрежную скалу с такой силой, что он почти лишился чувств, однако, сам не понимая как, поднялся на ноги и ринулся по влажному песку подальше от злобных волн.

Волны вздымались все выше...

Ощутив себя в безопасности, он свалился нич-

ком на песок, его вырвало соленой водой, и долго еще он обретал силы и восстанавливал дыхание. А когда окончательно пришел в себя, первым делом вознес молитву к Господу, возблагодарив за чудесное спасение. Как он ни всматривался в постепенно успокаивающееся море, нигде никого не было видно…

Он приподнялся на колени, взглянул на свой корабль. Вернее, на то, что осталось от корабля и находилось так далеко в море, что Робинзону оставалось лишь удивляться, как смог он добраться до суши.

Когда же он почувствовал в себе силы подняться во весь рост и взглянуть вокруг, удивление и радость от того, что остался в живых, сменились беспокойством и печалью. Ведь здесь он совсем один.

Спасен!.. На берегу.

Вокруг только песок, скалы и лесная чаща. И где он? Куда идти? У него нет ни пресной воды, ни

пищи. Нет оружия для охоты или для защиты. Ничего, кроме небольшого ножа на поясном ремне.

Эти мысли так подействовали на него, что он внезапно сорвался с места и, как безумный, помчался вдоль берега, колотя себя в грудь, подняв голову к небу и восклицая:

— Зачем Ты, о Господи, спас меня? Почему не дал разделить участь моих товарищей? Только затем, чтобы я какое-то еще время страдал здесь, погибая от голода и жажды? О, как это жестоко!

Когда у него уже не стало сил бежать и выкрикивать жалостные слова, он опустился на песок, пытаясь успокоиться и привести мысли в порядок.

«Близится ночь, — рассуждал он, — и, пока совсем не стемнело, я непременно должен найти воду. Какой-нибудь ручей. Он обязательно протекает здесь где-нибудь…»

Робинзон поднялся и зашагал в глубь берега, туда, где начиналась чаща где росли кусты, деревья. Прошло совсем немного времени, и он наткнулся на родник с прохладной свежей водой.

Останки корабля, севшего на мель.

«А теперь, — подумал он, напившись до отва-

ла, — нужно выбрать место для ночлега — такое, где я был бы защищен от опасных зверей». И вскоре его взор упал на большое, развесистое дерево, напоминавшее хорошо знакомую английскую ель. Недолго думая, он взобрался на него и попробовал поудобнее устроиться на упругих широких ветвях; это вполне получилось, и его сразу потянуло в сон.

Уже засыпая, он подумал: какого рода смерть придет к нему на следующий день — от голода, от зубов хищника, от какой-нибудь тропической болезни?..

Однако он так изнемог за последние несколько суток, что даже эти невеселые мысли не помешали почти сразу уснуть богатырским сном.

В полном изнеможении!

Корабль подплывает ближе.

Глава 3. Робинзон начинает новую жизнь

Когда он проснулся на следующее утро, стояла тихая, ясная погода. Шторма как не бывало. Робинзон раздвинул тяжелые ветви дерева, ставшего его ночным приютом, посмотрел в сторону моря. Как странно! За ночь корабль как будто приблизился к берегу. Видимо, прилив снял его с мели и немного протащил по песку. Сейчас судно находилось напротив прибрежных скал, примерно в четверти мили [1]от береговой линии.

— Как печально! — воскликнул Робинзон. — Если бы мы остались на борту и не пересели в шлюпку, все были бы живы. Воистину никогда не знаешь, как поступить правильно.

Слезы выступили у него на глазах, но, как известно, слезами горю не поможешь — и он ничем не в силах был помочь своим погибшим товарищам. И они ему тоже.

Он задумался о том, что же теперь делать, и решил, что прежде всего нужно добраться до

---

[1] Примечания: 1

1 морская миля — 1,853 км. Сухопутная миля 1,609 км.

корабля и забрать оттуда все, что может пригодиться для жизни на острове. Что он попал на остров, у него не было сомнений — ведь, судя по карте, на которую они нередко смотрели с капитаном, в этой части моря не могло быть никакой другой суши, кроме небольших островов.

К полудню прилив отступил далеко от берега, море местами обмелело, и Робинзону было совсем нетрудно достичь корабля. Ухватившись за свисавший канат, он влез на палубу и начал поиски. В первую очередь, конечно, еда! Он искал продукты, и ему повезло: все они были в сохранности, даже не подмочены соленой водой. Какое везение! Ощутив страшный голод, он сразу набил полный рот, а потом и все карманы сухим печеньем и немного успокоился.

Продолжая осмотр, он понял, что очень многое, не только пищу, необходимо взять с собой и для этого нужна лодка. Но она затонула вместе с людьми, другой на корабле не было, и тогда он догадался соорудить плот из досок и обломков мачт, сбросив их в море и связав там веревками.

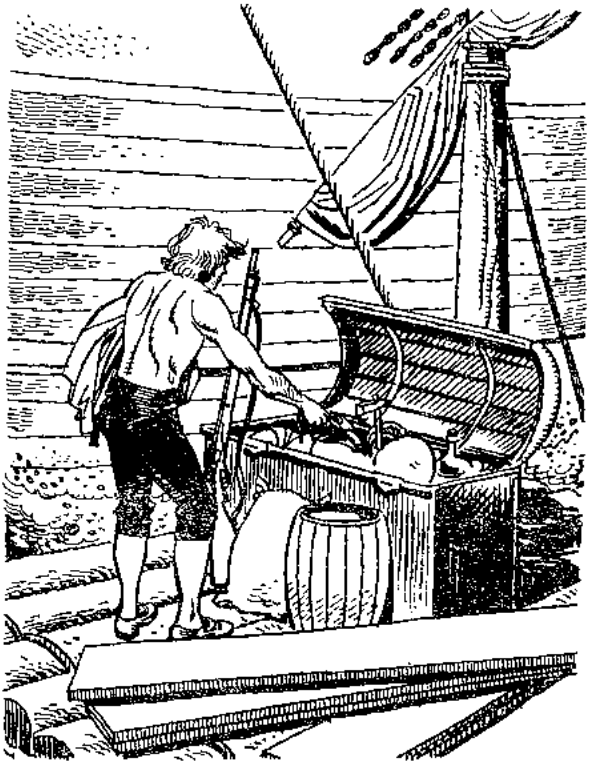
Робинзон добрался до корабля.

И вот дело дошло до загрузки плота. Сначала

он положил на него все доски и куски дерева, которые был в силах унести. На них взгромоздил пустой матросский сундук и потом доверху заполнил его провизией: хлебом, рисом, сыром, различной крупой, сушеным мясом. А также несколькими бутылками рома. Поверх продуктов положил кое-какую одежду, потому что его собственная превратилась в лохмотья.

После этого подумал, что без инструментов не обойтись: нужно взять все, что может пригодиться на суше. В одной из кают он обнаружил ящик с плотничьими принадлежностями: пилами, топорами, молотками — и перенес все это на плот.

Что же еще?.. Да, конечно, — оружие и боеприпасы: ведь он должен будет охотой добывать себе пищу, а также, если придется, защитить себя от опасного человека или зверя. Оружие на корабле было.

Плот было чем нагрузить.

Он нашел несколько мушкетов, три дробовика, два пистолета и даже старую поржавевшую

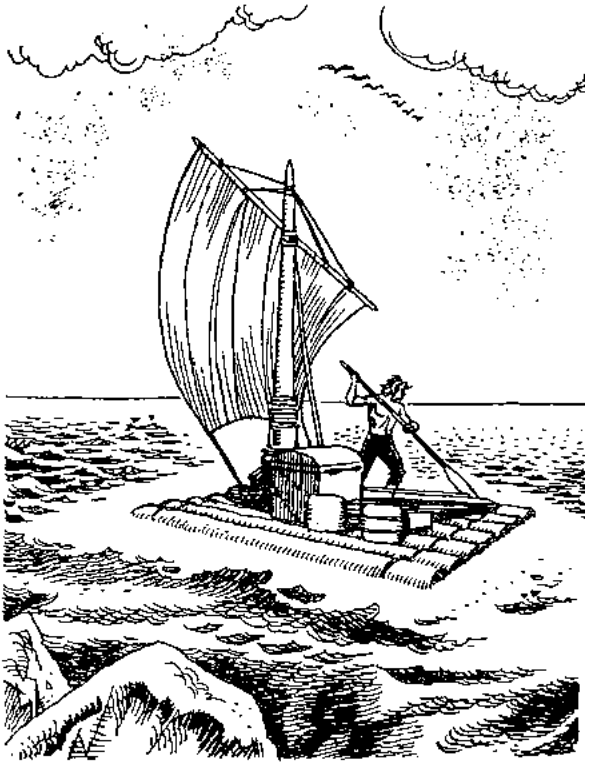
саблю. В бочонке хранился оружейный порох, в мешке — пули.

К тому времени, как плот оказался основательно загруженным, начался прилив, и с его помощью, а также благодаря попутному ветру, плот понесло к берегу.

Течение принесло его туда, где глубокий и широкий ручей впадал в море, и прилив втолкнул плот в этот ручей, у высокого берега которого была небольшая бухта, словно самой природой предназначенная стать пристанью для плота.

Надежно привязав плот к стволу дерева, Робинзон решил, пока не стемнело, получше осмотреть местность, для чего подняться на холм, который начинался почти от ручья. Вдруг это совсем не остров и, поднявшись повыше, он увидит уходящие вдаль обработанные поля, а рядом с ними селения, фермы или, быть может, даже город с домами из камня? Кто знает…

Его надежды оказались тщетными. То, что можно было увидеть с вершины холма, подтвердило: он находится на совсем небольшом острове, где нет никаких признаков жизни человека и кругом, куда ни посмотри, одна вода — насколько может достать взгляд.

Плот Робинзона вплывает в устье ручья.

Однако вчерашнего чувства отчаяния он не испытал. Спускаясь с холма, даже подумал, что

теперь надо построить хижину временную, конечно, — из тех досок, которые привез на плоту. А потом снова отправиться на корабль и, пока еще один шторм не разметал его на куски, забрать оттуда решительно все, что может понадобиться для сносной жизни на острове, который ко всему еще, скорее всего, необитаемый…

Лежа в наспех сколоченной хижине, Робинзон отдыхал и намечал свои следующие действия. Главная задача, повторял он себе, перевезти побольше груза с корабля, который он как следует не осмотрел, а корабль весьма вместительный, и мало ли что еще хранится в его трюмах.

На протяжении следующих трех недель Робинзон ежедневно, как на работу, отправлялся на судно и привозил оттуда все, что находил под завалами из досок, в наполовину заполненных водой каютах, на камбузе, в трюмах. Это были самые различные, но по-своему необходимые вещи: гвозди, ножи, вилки, топоры, ломы, точило. А еще: две подзорные трубы, компас, морские карты, различная одежда, одеяла… И еще: веревки, канаты, парусина, золотые и серебряные монеты и большая книга. Это была Библия.

Робинзон строит свою первую хижину.

К своему удивлению и радости, еще когда он во

второй раз приплыл на корабль, то обнаружил там сразу три живых существа — запуганных, голодных и мокрых, но живых и здоровых: корабельного пса и двух кошек. Теперь его полку прибыло — тех, кто пережил вместе с ним кораблекрушение.

В начале четвертой недели пребывания Робинзона на острове снова разразился шторм, и когда на утро после этого он взглянул из своей временной хижины на море, оно было совершенно пустынным: их корабль исчез, словно его никогда и не было.

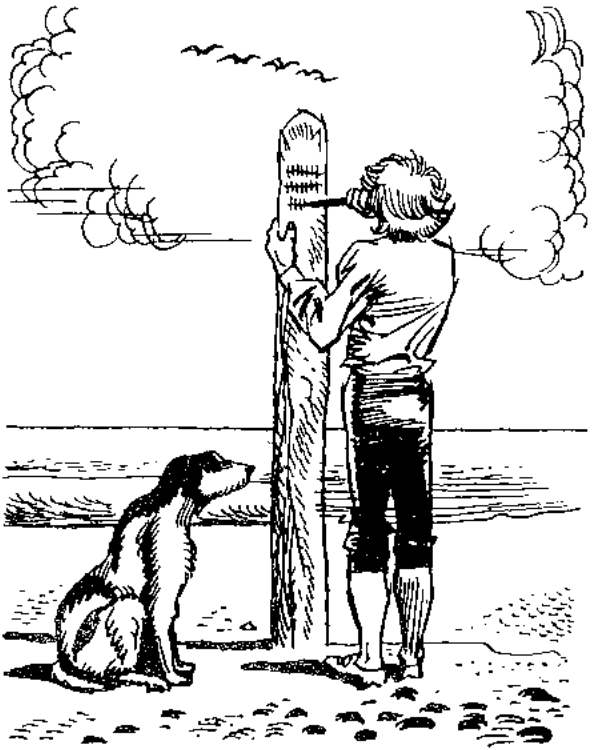
Робинзон уже понимал: на острове ему предстоит пробыть не день и не месяц, а потому нужно обживать это место и, в первую очередь, строить настоящий дом — тем более все для этого есть: строительный материал, гвозди, пилы, молотки. Разместиться его жилище должно, разумеется, вблизи от источника пресной воды, в тени деревьев, защищающих от лучей тропического солнца; из окон должно быть видно море, а сам дом должен быть похож на маленькую крепость, недоступную для свирепых животных и злых людей…

Три живых напарника Робинзона: собака и две кошки.

Жизнь продолжала отсчитывать часы, дни,

недели, и Робинзон понял, что вполне может сбиться со счета, если не придумает, как отмечать уходящее время. Поскольку у него не было ни бумаги, ни пера или чернил, он придумал вот что: врыл в землю высокий столб и каждый день делал на нем короткую зарубку ножом, а на седьмой день зарубка была несколько длиннее. Так он начал отмечать дни, недели, месяцы. Так, вполне может случиться, будет отмечать и годы. На своем «древесном календаре».

«Древесный календарь» Робинзона.

Он строит безопасный дом.

Глава 4. Робинзон осваивает множество ремесел

Поиски Робинзоном места, где построить основательный дом, закончились, как только он нашел, наконец, небольшую поляну почти у подножия высокого холма; на его склоне было углубление — что-то вроде пещеры, которая сама по себе могла стать одной из стен будущего жилища. Таким образом, по крайней мере, с этой стороны можно было совершенно не опасаться ничьего нападения.

Возле этой стенки Робинзон врыл в землю несколько столбов и натянул на них парусину. Это была крыша. Затем, для еще большей безопасности, начал строить высокий забор из стволов молодых деревьев, которые обтесывал, затачивал сверху и тоже вкапывал в землю. Забор полукругом опоясывал поляну, края его утыкались в склоны холма.

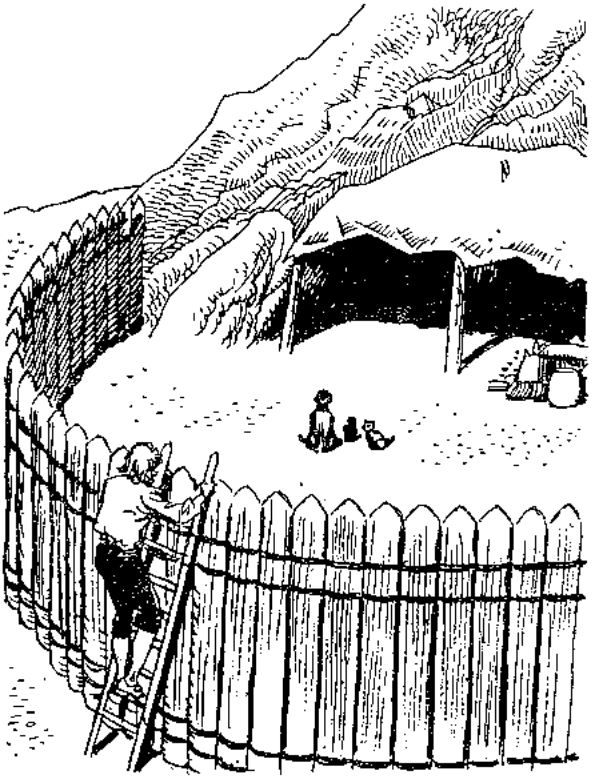
А ворота? Калитка? Их он делать не стал. Для того чтобы попасть внутрь своей крепости, Робинзон сбил обыкновенную приставную лестницу, по которой и влезал на частокол, а потом

спрыгивал с него, таща лестницу за собой.

После возведения ограды Робинзон начал земляные работы: стал увеличивать углубление в холме, чтобы жилище сделалось просторней, чтобы хорошо защищало от дождя и солнца и чтобы побольше места было для хранения пищи и всего остального, привезенного с корабля.

Каждый день он прерывал работу, чтобы перелезть через ограду и отправиться на охоту — добывать пропитание. Во время этих походов он убедился, что на острове полным-полно всякой живности: уток, голубей, коз, черепах. Их мясо, а также черепашьи яйца и, впоследствии, козье молоко стали его основной пищей. Шкуры убитых коз он высушивал на солнце и употреблял как одежду или покрывала…

Теперь в его просторном доме сделалась особенно заметной нехватка мебели. Вернее, вообще полное ее отсутствие. Купить было негде — и, значит, нужно было смастерить. Но как мог осуществить это человек, никогда в жизни не державший в руках рубанка или стамески и только-только приучившийся кое-как управляться с молотком и пилой? Прошло немало времени, прежде чем у Робинзона начало получаться нечто вроде табурета, стула, а потом и стола.

Его дом превращается в крепость.

Набив руку в качестве столяра и плотника,

он осмелился попробовать заняться сельским хозяйством. У него были привезенные с корабля ячменные зерна, и ему захотелось посадить их в землю.

Для своего поля он выбрал небольшой ровный участок земли, который нужно было вскопать и засеять. Но чем вскопать, если нет лопаты? Не ножом ведь и не вилкой! И Робинзон стал делать лопату. И даже не лопату делал он, а мотыгу, для наконечника которой отыскал кусок дерева необычайной крепости.

Но, увы, первого урожая он так и не собрал: зерна не взошли — он посадил их в неурочное время, как раз перед началом засушливого сезона. К счастью, у него оставались еще семена. Через некоторое время он сумел исправить свою ошибку, и появились первые всходы…

Робинзон занимается столярным делом

Прошло примерно десять месяцев с того дня,

когда Робинзон выкарабкался на безлюдный песчаный берег, и вот он решил обследовать свои владения и для начала пройти по ручью в глубь острова.

Что же он обнаружил? Буйную растительность и, прежде всего, целые поля дикого табака и заросли сахарного тростника; стволы многих деревьев были обвиты виноградными лозами, а еще тут росли деревья, покрытые плодами апельсинов, лимонов, кокосов. Это фруктовое изобилие радовало глаз и желудок, но сорванные плоды нужно было быстро употреблять в пищу, иначе они приходили в негодность — все, кроме винограда.

К тому времени, когда на его древесном календаре появилась триста шестьдесят пятая зарубка, Робинзон уже полностью изучил расписание сезонов дождей и засухи и как они сменяют друг друга. Он понял, что здесь можно выращивать целых два урожая зерновых и овощей, потому что год делится не на зиму, лето, весну и осень, как в Англии, а только на пору дождей и пору засухи.

Второй урожай зерновых получился знатным.

Он научился занимать себя и находить дело, когда приходилось из-за ливней безвылазно сидеть в доме: продолжал расширять и углублять пещеру, плел корзины из длинных гибких ветвей, куда складывал продукты, а также ссыпал землю и мелкий щебень, чтобы вынести из жилища.

Второй год жизни на острове был заполнен частыми походами. Во время одного из них он взобрался на вершину самого высокого холма, откуда открывался вид на необозримый морской простор. День выдался очень ясным, и вдруг — Робинзон не поверил собственным глазам! — вдруг он увидел сливающуюся с горизонтом кромку берега. Конечно, он мог только догадываться, остров ли это, такой же необитаемый, как тот, который стал его домом, или край материка, населенный людьми. Но, в любом случае, люди эти могут быть только дикарями, да и никакого материка, если верить морским картам, здесь быть не должно. Он вспоминал сейчас, что еще в Бразилии слышал кое-что о жителях этой части света: все они, так рассказывалось, были людоедами, считали врагами и убивали всех чужих и с аппетитом их поедали, обгладывая все косточки до единой. При этой мысли он каждый раз содрогался, ему становилось зябко, несмотря на

палящее солнце, и он возносил благодарность Всевышнему за то, что тот не поселил людоедов на этом острове. Хотя, кто знает…

Виноград превращался в изюм.

В другом своем походе Робинзон наткнулся на целую стаю ярких, разноцветных попугаев, и ему ужасно захотелось поймать и приручить хотя бы одного из них и научить человеческой речи, которой он не слышал уже целую вечность и неизвестно, услышит ли когда-нибудь. Пускай попугай произносит хотя бы только его имя — и то будет приятно. Ему удалось поймать одну из птиц, она прижилась у него, привыкла, но понадобилось несколько лет, чтобы научить ее всего двум словам: «Робинзон Крузо! Робинзон Крузо!» Впрочем, быть может, он был не лучший из учителей…

И вот подошел к концу второй год и начался третий. Хозяйство Робинзона ширилось. Урожаи были такие обильные, что можно было уже не оставлять зерно для засева новых участков, а всерьез думать о том, чтобы превращать его в хлеб. Однако у него ничего не было для этого: ни простейшего сита для очистки зерна, ни обыкновенной ручной мельницы или жернова, чтобы превратить зерно в муку, ни горшка, противня или как это еще называется, на чем или в чем пекут хлеб; ни печи, наконец, куда нужно ставить

эту посуду.

Робинзон плетет корзины.

Он помнил, что посуда бывает стеклянная, фарфоровая или глиняная. Стекла и фарфора взять неоткуда, а глину здесь наверняка можно легко найти, и если так, почему бы не попробовать стать гончаром и самому делать всевозможную посуду: горшки, кувшины, тарелки, миски?

Он разыскал недалеко от берега место, где смог нарыть глины, размешал ее с водою, слепил из полученной смеси несколько горшков и поставил их сохнуть на солнце. Казалось бы, все просто. Однако первые изделия были уродливы, бесформенны и лопались один за другим под тяжестью собственного веса.

Старина Полли.

Около двух месяцев понадобилось Робинзону,

чтобы из-под его рук начали выходить изделия, в которых можно было с первого взгляда узнать то, для чего они предназначались: миска, плошка, горшок. В горшках и следовало держать муку, из которой выпекается хлеб. Но как получить эту самую муку? Не станешь ведь толочь зерно в глиняной посудине? И чем толочь? Необходима ступка, и сделать ее нужно из камня. Однако отломить от скалы кусок подходящего размера он не мог, а те камни, что лежали под ногами, были из хрупкого, пористого песчаника и кололись от любого удара.

Потеряв немало времени на бесплодные поиски, Робинзон решил смастерить деревянную ступку из дерева той же породы, которое использовал для лопаты. Углубление в куске дерева, сперва обтесанного топором, он выжег, разведя на нем огонь. Покончив с этим, из того же материала вытесал тяжелый пест.

И вот зерно разбито, размолото, превращено в муку, но как же теперь отсеять шелуху, оболочку зерна? Где взять сито?

Робинзон осваивает гончарное ремесло.

К счастью, Робинзон уже не был прежним —

скованным страхом перед одиночеством неумехой, он многому научился за эти несколько лет и, в том числе, обрел умение быстрее находить выход из трудных положений. Так произошло и на этот раз. Он сразу вспомнил о шейном платке, оказавшемся в одном из сундучков с погибшего корабля. Выдернув из него ряд шелковых нитей, он сумел превратить платок в некое подобие сита и совершил то, что называлось в Библии, которая была теперь в часы отдыха его настольной книгой, «отделить зерна от плевел». То есть, от шелухи.

Осталось только испечь хлеб. Печки у Робинзона не было, зато было, как мы уже отметили, быстрое соображение. Сметка, смекалка.

Недолго думая, он слепил из глины две большие сковороды. Назовем их противнями. В один из них залил размешанную в воде муку и накрыл вторым противнем, как крышкой; затем поставил это сооружение на раскаленные угли, а сверху и с боков подсыпал еще углей. Хлеб начал выпекаться!

Робинзон превращает зерно в муку.

Он получился отменно вкусным, с поджа-

ренной корочкой, и если даже, с точки зрения настоящего пекаря, в нем могло что-то быть не так, Робинзон все равно не заметил бы этого, а коли и заметил, то ни за что бы не согласился. Потому что это был его первый кусок хлеба почти за три года!

К исходу этого года он мог уже с гордостью сказать о себе, что освоил несколько важных для жизни ремесел: стал охотником, плотником, гончаром. А теперь еще и пекарем. Чем плохо?..

Разумеется, пирогов и тортов с заварным кремом он не пек, но, кроме обыкновенных хлебов, всегда мог побаловать себя рисовым пудингом с изюмом или лепешками.

Все это было приятно, вносило разнообразие, доставляло удовольствие, но все равно одна мысль неотступно преследовала его и днем, и ночью: сколько еще — месяцев, лет? — уготовано ему провести на этом безлюдном острове? И есть ли надежда когда-нибудь выбраться отсюда?

Робинзон становится пекарем.

Таинственная земля на горизонте.

Глава 5. Робинзон делает лодку

Жилище Робинзона стало просторным и удобным, стена, окружавшая его, была высокой и прочной; он собирал со своего поля хорошие урожаи, на его столе всегда были хлеб, мясо, фрукты и овощи; он привык уже и к проливным дождям, и к нестерпимому зною; дни проходили быстро, число зарубок на столбе росло почти незаметно, скучать было некогда — работа для рук находилась всегда... Но в голове неотступно билась мысль о возвращении в родные места, к знакомым и незнакомым людям, к отцу и матери, к друзьям. И часто перед глазами вставало видение земли, которую он как-то увидел с вершины холма (или ему показалось?) на кромке горизонта, которая не то существовала на самом деле, не то просто была обманом зрения.

Как бы то ни было, он решил непременно доплыть до нее, но, конечно, не на плоту: это невозможно. Для этого нужно сделать лодку. Но как? Из чего?

Он вспомнил, как индейцы в Бразилии делали свои каноэ из стволов больших деревьев,

и задумал последовать их примеру. В лесу он набрел на огромный кедр, ствол которого был толщиной не менее шести футов [2]. Двадцать дней потребовалось ему, чтобы срубить эту громадину. Около полутора месяцев он обрубал его ветви, обтесывал бока, старался сделать плоским днище будущей лодки, а затем еще три месяца ушло на то, чтобы с помощью всего лишь топора и молотка выскоблить внутренность настолько, чтобы ствол окончательно принял форму настоящего каноэ.

Оставалась самая малость: спустить судно на воду. Но как это сделать, Робинзон понятия не имел! В горячке работы он ни разу не подумал об этом. И в результате его чудесная лодка — пирога, каноэ, если по-индейски — лежала в ста ярдах [3]от ручья, но было это все равно что в ста милях. Сдвинуть ее с места он не мог ни на дюйм [4].

---

[2] Примечания: 2
1 фут равен 30,48 сантиметра.

[3] Примечания: 3
1 ярд — 91,44 сантиметра.

[4] Примечания: 4
1 дюйм — 2,54 сантиметра.

Робинзон делает индейское каноэ.

Пришлось оставить, по крайней мере на время, мысль о дальнем плавании, но зато он получил

хороший урок: теперь станет всегда как следует продумывать свои планы, прежде чем начинать действовать. «И если, — сказал он себе, — я решу еще раз сделать лодку, она будет намного меньше и легче, нежели эта махина, и работать я стану гораздо ближе к воде».

Наконец-то Робинзон обратил внимание и на свой внешний вид и решил всерьез заняться одеждой, потому что прежняя уже отслужила все сроки и превратилась в лохмотья. Попробуйте четыре с лишним года ходить в одних и тех же штанах и рубашках, да еще в таком климате! Хотя, если говорить откровенно, он вполне мог все это время расхаживать нагишом — ведь вокруг никого не было, кроме животных и птиц, а погода вполне позволяла обходиться без одежды. Но Робинзон не был привычен к подобной моде; кроме того, его кожу обжигали до пузырей лучи тропического солнца, а голова от них начинала немилосердно болеть. Ему были просто необходимы и рубахи, и штаны, и головной убор.

Шкуры сушатся на солнце.

Но из чего сшить все эти вещи? В его распоря-

жении были только шкуры животных, которых он убивал для пищи, и потому начал он с того, что разложил их на солнце для просушки. Потом выбрал те, что оставались достаточно мягкими — это были в основном шкуры диких коз, — и стал их резать и кромсать, готовясь к тому, чтобы начинать шитье.

Первым его изделием стала меховая шапка-ушанка, прикрывающая не только уши, но и затылок. Она не промокала под дождем и хорошо защищала от солнца.

Вполне удовлетворенный своим первым изделием, он взялся за шитье одежды, и в конце концов после многих проб и ошибок у него получилась вполне приличная безрукавка — что-то вроде камзола, а также короткие штаны до колен, поддерживаемые широким кожаным ремнем, на который можно было повесить нож или даже пилу и молоток. Еще на одном ремне, более широком, что надевался как перевязь через плечо, висели мешочки с порохом. Завершением этого костюма были сшитые из тех же шкур полусапоги-полуноски с тесемками, чтобы лучше держались на ногах.

Робинзон шьет одежду из шкур.

Для того, кем он был, а вернее, кем не был — а

как известно, он не был ни портным, ни фермером, ни столяром, ни сапожником, — все, что он до сих пор делал, было совсем неплохо, и он имел полное право гордиться собой и своими обновками. Только не перед кем было — лишь перед своими животными, а еще перед бескрайним небом и таким же морем.

По правде говоря, внешний вид Робинзона, заросшего волосами, с совершенно темным от загара лицом, наряженного в одежду из звериных шкур, наверняка напугал бы кого угодно, но пугать тоже было некого!..

Шкур оставалось еще немало, и после того как он заменил все подстилки — на полу, на топчане, на скамейках, ему захотелось соорудить с их помощью большущий зонт, и не простой, а самый настоящий, складной: к чему понапрасну мокнуть под дождем, когда так просто этого избежать? Впрочем, оказалось, что не так просто — три первых зонта вышли неудачными, и только четвертый удовлетворял всем требованиям мастера.

Какой прекрасный зонт!

Подходил к концу пятый год пребывания Робинзона на острове, когда он отважился наконец

взяться за постройку второй лодки. Первая так и лежала в глубине леса огромной колодой, наглядным свидетельством его неразумия, напоминанием, что в следующий раз нужно быть осмотрительней.

Теперь он не стал искать самое большое дерево, а срубил то, что стояло близко от воды и было совсем небольшим. Небольшой получилась и лодка, которую он смастерил довольно быстро и без особого труда спустил на воду. Он поставил карликовую мачту с парусом, а на дно лодки втиснул довольно большой ящик с крышкой — по-моряцки говоря, рундук — для продуктов, оружия и другого снаряжения. Для прекрасного нового зонта тоже нашлось место — он стоял на корме и должен был защищать корабельную команду в составе одного человека от солнечных лучей, дождя и соленых брызг.

Новый «корабль» Робинзона.

Опробовав свое судно в водах ручья, Робинзон

наконец вышел на нем в открытое море, где сразу же оно превратилось в утлое суденышко, каким и было на самом деле. Но это не остановило смельчака, хотя он вполне отдавал себе отчет, какое плавание ему предстоит.

Нет, он не собирался поступать безрассудно и сразу пускаться в путь к таинственному материку, временами появляющемуся на горизонте. «Сначала, — решил он, — я обследую с моря мой остров, который, судя по всему, невелик, и начну с восточной его части». Поставив себе эту цель, он пустился в плавание, не забыв на всякий случай захватить с собой провизию: несколько хлебов, горшок поджаренного риса, половину козьей туши и, разумеется, побольше кувшинов с пресной водой.

Уже вскоре, чуть не за первым поворотом береговой линии, перед ним выросла непредвиденная преграда: над водой торчала узкая гряда скал, уходившая в море, а за ней, неизвестно, на сколько миль, тянулась песчаная отмель. Он решил все же обогнуть гряду, но почти сразу попал в струю могучего течения, которое подхватило и понесло его лодку, как невесомую пушинку, а он со своим единственным веслом ничего не мог поделать. Парус тоже был не в помощь: на море

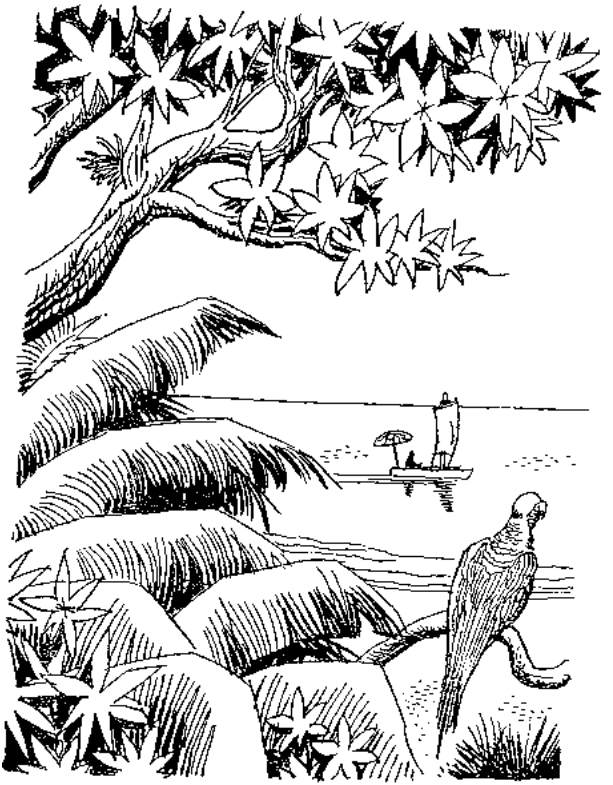
стоял полный штиль. Течение уносило Робинзона все дальше от берега, и он боялся, что в конце концов оно перевернет лодку и он найдет свою смерть там же, где шесть лет назад ее нашли его товарищи по плаванию.

Робинзон борется с течением.

Но, видно, за годы лишений он стал и сильнее,

и смелей, потому что часов пять, если не больше, беспрерывно боролся с течением и наконец вырвался из его губительных объятий. (А руки его чуть не вырвались из плеч!) Помог ему и поднявшийся над морем легкий ветер. Однако лодка была уже в открытом море, его остров совсем скрылся из вида, и в какую сторону плыть, Робинзон не знал, а компаса с собой не было. Но и тут природа пришла на помощь: сгустившиеся было тучи рассеялись, показалось солнце, и по его расположению Робинзон понял, что плывет на север. Он развернул парус, подставив его попутному ветру, давая отдохнуть натруженным рукам, и направил суденышко туда, где, по его предположению, должна была находиться северная оконечность острова, которая и открылась наконец его глазам еще через несколько часов. Там он пристал к берегу, бросил якорь, который сделал из железного бруска и не забыл захватить с собой, и, выйдя на сушу, поел, утолил жажду и завалился спать.

Робинзон причаливает к северной части острова.

Проснувшись и чувствуя себя отдохнувшим, он стал думать о возвращении в свое жилище, но пришел к разумному решению больше не рисковать и не пускаться в плавание, а оставить здесь лодку и проделать обратный путь на своих на двоих. Довольно с него — хоть на какое-то время — опасных приключений!

Путешествие пешком было долгим, но спокойным, и вот наконец он завидел свой частокол, знакомый ручей, знакомый холм… Каким родным и желанным это все показалось! Как был он счастлив, что видит их вновь!..

Робинзон возвращается домой пешком.

Робинзон отлавливает диких коз.

Глава 6. Таинственные следы

Вот уже одиннадцатый год живет Робинзон на острове, и последние пять лет после опасного плавания были совсем спокойными, даже, можно сказать, легкими. У него было сейчас все или почти все, что нужно для этой жизни, ставшей совсем привычной. Хотя нет — кончался порох. Как же он будет охотиться? Добывать мясо?.. «Но разве его можно добыть только на охоте?» — подумал он. И нашел ответ: нужно отловить побольше коз, приручить, и тогда у него постоянно будет и молоко, и мясо… А как их поймать? Для этого надо сделать силки из бечевок или ловушки-ямы.

Козлиного полку все прибывало, и спустя полгода его стадо насчитывало полтора десятка коз, молодых и постарше, и число их продолжало расти. Появилось вдоволь мяса и молока. Он никогда раньше не доил ни коров, ни коз и понятия не имел, как делается масло или сметана, однако, пробуя и ошибаясь, превзошел и эти науки…

Как-то он отправился вдоль берега, сначала на восток, потом свернул на север. По пути взо-

брался на высокий холм, с вершины которого можно было хорошо видеть гряду прибрежных скал, песчаную отмель и то яростное течение, которое чуть не унесло его в открытое море. Но что такое? Опасного течения как не бывало! Куда оно девалось?.. Разгадка была проста. Особенно если немного вспомнить морскую науку. Ведь обычно приливы и отливы в морях и океанах бывают дважды в сутки, а в перерывах между ними волны отдыхают. И разные течения тоже. Значит, для того чтобы пускаться в плавание, нужно выбрать правильное время, чего он не сделал и в результате чуть не погиб.

Обрадованный своим неожиданным открытием, он спустился с холма и продолжил путь по берегу. Он весело шел, даже мурлыкал какую-то песенку из прежней жизни и вдруг остановился как вкопанный, в ужасе глядя себе под ноги на увлажненный береговой песок. Там, где еще не ступала его собственная нога, он увидел чей-то след! Не чей-то, а человечий! След голой пятки, пальцев. И он был очень крупный, куда больше, чем у него самого.

Зловредное течение исчезло.

Он огляделся по сторонам, прислушался. Никого! Поспешно взобрался снова на холм, внимательно посмотрел во все стороны. Никаких признаков человека! Сойдя на берег, обследовал его вдоль и поперек — опять никого. Уж не привиделся ли ему этот отпечаток ноги?.. Нет, он был на том же месте и довольно явственно выделялся на песке.

Отбросив все мысли о своей лодке, которую собирался увидеть, он поспешил домой, беспрерывно оглядываясь, начиная испытывать все больший страх. Казалось, из-за каждого дерева, из-за каждого куста за ним наблюдают чьи-то недобрые глаза. А кто могут быть эти наблюдатели? Несомненно, дикари-людоеды, приплывшие на своих пирогах с каких-то соседних островов.

Часть дороги Робинзон почти бежал: ему хотелось поскорей убедиться в том, что незваные пришельцы не добрались до жилища, не разорили его. Он успокоился, только когда перелез через частокол и оказался внутри своей крепости, к счастью, не подвергшейся вражескому нашествию. Однако все равно беспокойство поселилось в душе, он почти не спал в эту ночь, прислушиваясь ко всем посторонним звукам и постепенно приходя к выводу, что не кто иной, как сам дьявол

решил обратить на него свое внимание.

Таинственный след!

И другая, куда более страшная, мысль одолевала его: если не сваливать все на дьявола, то следует предположить, что какое-то число дикарей добралось сюда с попутным течением — уж они-то изучили все движения воды в этих местах!.. Добрались, увидели его лодку, поняли, что здесь кто-то есть, и теперь ищут его, чтобы убить, зажарить и всласть полакомиться им!

В течение трех дней Робинзон не выходил за ограду жилища и постепенно успокаивался, к нему возвращались прежняя выдержка и мужество.

«Я нахожусь уже пятнадцать лет на этом острове, — убеждал он себя, — и за это время ни одна живая душа не потревожила мой покой. Зачем же так волноваться из-за какого-то непонятного следа, который, быть может, вовсе и не от ноги человека, а так, случайно образовался под воздействием воды и ветра?..»

Робинзон в страхе торопится домой.

Однако подобные рассуждения не слишком успокаивали, и он пришел к решению, что так или иначе, но следует немедленно укрепить свою твердыню и по крайней мере установить еще одну стену вокруг первой стены, сделав в ней несколько отверстий-бойниц и поместив там заряженные мушкеты, взятые с корабля.

Понадобилось больше месяца тяжелой работы, чтобы воплотить задуманное, зато теперь семь мушкетных стволов, просунутые в бойницы, защищали его жилище с внешней стороны.

И все же полного спокойствия в душе не наступило. Что-то подсказывало: главные неприятности впереди и ему еще придется отбивать атаки дикарей, желающих во что бы то ни стало съесть его на ужин.

Робинзон укрепляет свою оборону.

«Что там? Неужели лодка?!»

Глава 7. Людоеды!

Последние два года Робинзон продолжал держаться вдали от восточной части острова, где наткнулся на зловещий след. Вместо этого он тщательно исследовал западную оконечность и однажды, сидя на краю скалы, увидел далеко в море какое-то судно. Хотя, вполне возможно, это был мираж — потому что буквально через несколько минут оно исчезло из глаз, а подзорной трубы с собой не было и проверить свое наблюдение он не мог, несмотря на то что вглядывался вдаль до боли в глазах.

Спустившись к берегу, он решил немного пройтись вдоль него, но остановился в ужасе. Ничего более страшного он не видел в жизни!

— О Боже! — воскликнул он, глядя на человеческие останки, разбросанные на песке. Здесь же виднелись следы от костра.

— Они были тут! Людоеды! — вновь закричал он, не в силах сдержать дрожь отвращения. — Вот они, приметы кровавого пиршества!

Он поспешил отвернуться от этого отвратительного зрелища; ему стало нехорошо: его

стошнило.

А как только полегчало, он помчался домой, не задерживаясь ни на минуту для отдыха, пока не очутился у себя за двумя стенами, где дал себе клятву никогда не заходить и на западную часть острова тоже…

Прошло еще два томительных года, на протяжении которых напряжение не спадало с души Робинзона. Прежнего спокойствия не было в помине. Он старался далеко не выходить за пределы своих владений, а если выходил, то при полной амуниции — с пистолетом, мушкетом, запасом пороха, даже со старой ржавой саблей за поясом. В общем, был всегда наготове.

Его опасения и страхи постепенно сменялись гневом и яростью. Он начал строить планы нападения на дикарей, когда те в очередной раз затеют на берегу свое богомерзкое пиршество. Как станет действовать, он толком не знал, ибо ему было неизвестно, со сколькими врагами столкнется — с десятью, тридцатью или сотней. Зато понимал, что их луки и стрелы, наверняка ядовитые, не многим слабее, нежели его одинокое ружье, и во всяком случае так же смертельны.

«Здесь были людоеды!»

Кроме того, чем больше он думал обо всем этом,

тем чаще появлялись у него и некоторые серьезные сомнения, возникали вопросы, которые он не мог не задать самому себе.

«Имею ли я право судить и убивать этих людей?.. Да, я считаю их преступниками, но ведь они веками жили и живут по этим правилам и законам, и мне ли наказывать их за это?.. Вот я, например, питаюсь мясом коз, убиваю их для этого и не считаю свое поведение греховным. Вполне возможно, эти дикари отнюдь не считают греховным поедать человеческое мясо, а коз, наоборот, берегут и никогда не едят…»

И еще продолжал рассуждать Робинзон с самим собой: «За что собираюсь я убивать этих людей, которые не причинили мне никакого вреда и сами не нападают на меня?.. А если даже я убью пятерых или больше людоедов, разве поймут они, по какой причине я так наказываю их? Разве перестанут питаться мясом своих ближних?.. Кроме того, после моей расправы они вполне могут вернуться с парой сотен соплеменников, на кого у меня не хватит ни сил, ни пороха. И чего я вообще добьюсь, если стану действовать так, как сейчас собираюсь? Ровно ничего… Слабому человеку не под силу изменить суровые законы Природы…»

Всегда наготове!

Таким образом, Робинзон пришел к выводу, что самым разумным с его стороны, в случае,

если людоеды снова появятся на острове, будет не выходить из укрытия. Тогда они, скорей всего, не догадаются, что на острове кто-то живет…

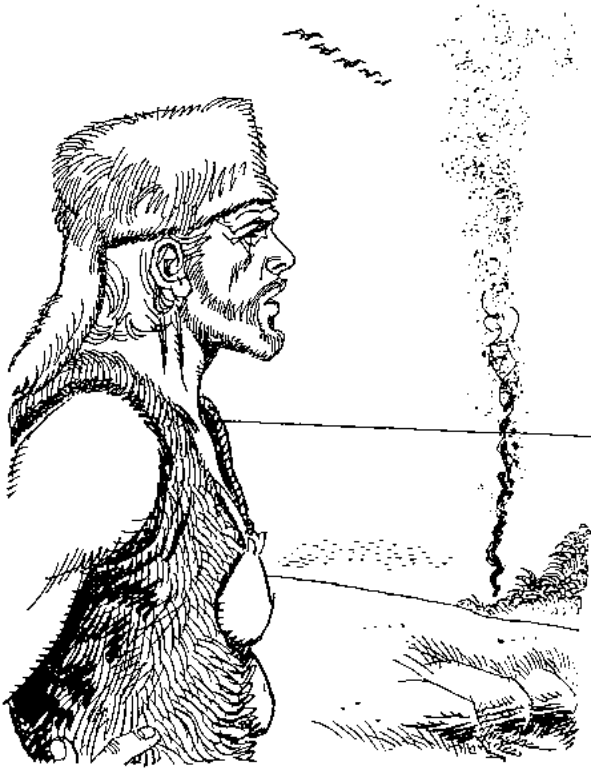
Однако страх и гнев все равно не оставляли его. Еще реже стал он покидать стены жилища; у него начисто пропало желание расширять свои владения, он перестал стучать молотком, топором, чтобы звуки не привлекли внимание дикарей, если те прибудут на остров. По этой же причине Робинзон почти перестал разжигать огонь очага снаружи своей обители — чтобы струя дыма не выдала его пребывания. Перестал охотиться. Безопасность стала для него сейчас важнее всего — важнее лишнего стула или скамейки, важнее горячей пищи… Потому что, несмотря ни на что, он хотел жить.

«Почему должен я убивать их?..»

Впрочем, уже долгие месяцы, даже несколько долгих лет никаких следов пришельцев он больше не замечал и начинал окончательно успокаиваться. Что ж, вполне возможно, их появление было чистой случайностью и больше никогда не повторится. Во всяком случае, до его нескорой и тихой смерти на этом безлюдном отрезке суши.

Но в наступившем декабре, на двадцать третьем году его мирного пребывания на острове все в одно мгновение изменилось. Жизнь перевернулась! Это случилось, когда ранним утром, бросив, как всегда, взгляд в сторону моря, он увидел поднимавшуюся с берега плотную струю дыма.

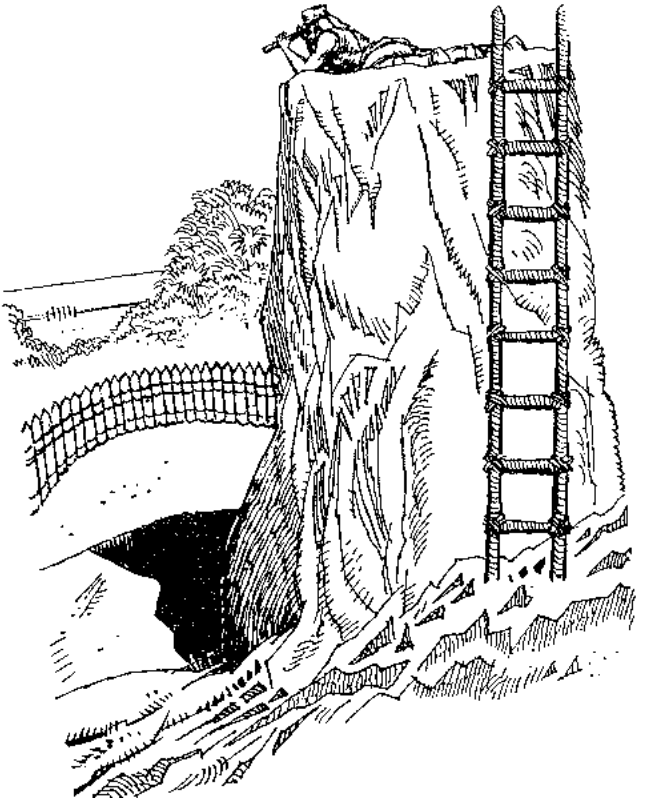
«Столб дыма!»

Схватив лестницу, он приставил ее к склону

холма, нависшего над жилищем, взобрался на самую вершину, откуда начал разглядывать берег в подзорную трубу и обнаружил источник дыма — костер, вокруг которого сидели девять туземцев. Однако вскоре они поднялись, уселись в свои лодки и отплыли в море.

Когда они скрылись из вида, Робинзон схватил оружие и поспешил на берег. Перед его глазами опять открылась страшная картина: кровь, кости, недоеденные куски человеческого мяса.

Зрелище вновь вызвало в нем приступ необузданного гнева, и он поклялся самому себе, что в следующий раз уничтожит всех до одного людоедов, как только они ступят на берег острова.

Робинзон высматривает пришельцев.

Выброшенный на скалы испанский корабль.

Глава 8. Первый звук человеческого голоса

Теперь все мысли Робинзона направились на то, как поскорее покинуть остров, пока тот окончательно не сделался прибежищем дикарей-людоедов, а его единственный житель не стал их жертвой. Но что он мог придумать? Что сделать?

Как он мечтал о каком-нибудь существе, с кем можно было бы поговорить, кто выслушал бы его жалобы, дал совет! Кто спас бы его! Неужели он не заслужил спасения после такого долгого пребывания в полном одиночестве? Двадцать два года с лишним — это ли не достаточный срок? Он попал сюда совсем молодым человеком, двадцати семи лет, а сейчас ему уже вот-вот стукнет пятьдесят…

Несколько месяцев назад у него зародилась робкая надежда на спасение, когда однажды на рассвете, после страшной ночной бури, он увидел корабль… Настоящий корабль, выброшенный на прибрежные скалы! Немедленно кинулся он к своей лодке, для которой давно уже нашел безопасную бухту неподалеку от своего жилища, и с замиранием сердца поплыл к потерпевшему бед-

ствие судну: вдруг там остался кто-то в живых?

Это была испанская шхуна, судя по всему, основательно потрепанная штормом и уж потом выкинутая на острые скалы. Когда Робинзон ступил на ее борт, то обнаружил там одни лишь мертвые тела тех, кого не смыло в море и кто просто захлебнулся соленой водой. Груза на корабле было негусто, кое-что он свез к себе на берег: несколько мушкетов, ружейный порох, немного провизии — все, что могло пригодиться. К его радости, в живых остался корабельный пес, совершенно обессилевший от страха, голода и жажды. Он стал для него заменой прежней собаки, прослужившей верой и правдой много лет и не так давно скончавшейся у его ног.

Робинзон видит сны.

Самым никчемным из всего груза показались

ему тогда несколько мешков золота, которые он все же кинул к себе в лодку. К чему оно, это золото? Что он на него купит здесь, на острове? Свое освобождение? Или еще одно человеческое существо, с кем можно было бы поговорить?..

Он почти не выпускал из рук подзорной трубы и подолгу стоял на вершине холма, откуда глядел на море, на берег внизу. Глядел месяц, глядел год, глядел полтора года… Ни кораблей, ни лодок — ничего…

Как-то утром, проснувшись и заняв свой наблюдательный пост на холме, он увидел причалившие к берегу длинные туземные лодки. Целых пять штук! На них могли приплыть двадцать, даже тридцать человек. Хорошо было бы напасть на них и отбить хотя бы одну пирогу, на которой потом выйти в море и попробовать добраться до того таинственного отрезка суши, который столько времени тревожит его воображение! Или… или сделать еще что-то для того, чтобы приблизить избавление… Но что?.. Что может он один?..

Они опять на берегу!

Он продолжал наблюдать и, подобравшись к другому краю холма, смог увидеть зажженный

костер на берегу и пляшущих вокруг него людей. Да, их было не меньше тридцати… А к костру уже тащили двух пленников, одного из которых ударили по голове дубинкой и, умертвив, сразу принялись резать. Смотреть на это было невыносимо, но Робинзон заставлял себя не отводить глаз, он мучительно думал, как поступить, что он должен и может сделать.

Второй пленник, рослый, молодой, судя по виду и по наряду тоже из туземцев — наверное, из вражеского племени, — стоял неподвижно, ожидая своей участи.

И вдруг, сделав прыжок, он с молниеносной быстротой рванулся от них прямо в прибрежную рощу, в сторону, где находилось жилище Робинзона.

Невольно тот вспомнил о своем сне, который видел совсем недавно. Неужели он был вещим и теперь становится явью?

К его удивлению, большинство людоедов продолжало плясать или заниматься своим страшным делом; вдогонку за беглецом бросились всего трое из них.

Неужели его сон стал явью?

— Скройся от них, парень, — прошептал Робинзон, — не дай им схватить тебя!

Туземец выскочил из-за деревьев и уже подбегал к ручью, глубокому и широкому в это время года.

«Прыгай в него! — безмолвно советовал ему Робинзон со своего холма. — Прыгай и плыви на мою сторону! Ко мне, парень!»

Словно услышав его, туземец прыгнул в воду. Несколько сильных взмахов рук — и он переплыл ручей. Двое из тех, кто преследовал его, бросились вдогонку за ним, третий сразу повернул обратно. Возможно, он не умел плавать.

Робинзон уже принял решение: нет, он не станет скрываться, а поспешит на помощь пленнику и спасет его от страшной участи. Быстро спустившись с холма, он схватил свои мушкеты, перелез через ограду и выскочил к ручью недалеко от того места, куда выбрался беглец.

— Эй! — окликнул он его.

Тот повернулся и замер в ужасе. «Час от часу не легче! — наверняка мелькнуло у бедняги в голове. — Там враги, но хотя бы понятно, кто такие… А здесь Вообще неизвестно кто! Чудище какое-то!»

Робинзон окликает напуганного туземца.

Робинзон жестом руки подозвал его к себе,

однако несчастный не мог сдвинуться с места. Словно окаменел.

А преследователи тем временем уже вылезли из ручья и подбегали к нему. Робинзон не хотел в них стрелять, поэтому делал предупреждающие знаки, громко кричал, и только когда не помогло, ударил одного из них прикладом мушкета и тот упал. Увидев это, второй отскочил в сторону, схватил лук и приготовился пустить стрелу. Но Робинзон успел нажать на курок мушкета, раздался выстрел, и нападавший свалился замертво.

Беглец не сводил глаз с поверженных врагов. Потом перевел взгляд на Робинзона; с его лица не сходило выражение изумления и ужаса от увиденного и услышанного — от грома ружья, вспышки пороха.

Робинзон снова показал жестом, чтобы тот приблизился, но дикарь не решался и оставался на месте, весь дрожа.

Робинзон защищает беглеца.

Робинзон продолжал его подзывать, и наконец туземец опустился на колени и пополз к нему, выказывая таким образом свою великую благодарность за спасение.

Робинзон улыбнулся ему и кивнул головой. Туземец подполз ближе, поцеловал землю, потом приподнял ногу Робинзона и поставил себе на голову, тем самым, видимо, давая клятву быть его верным слугой. Так, во всяком случае, Робинзон понял его поведение.

Подняв с колен спасенного человека и похлопав его по плечу, Робинзон увидел в это же время, что тот, кого он оглушил прикладом ружья, стал подавать признаки жизни. Он указал на него туземцу, который в ответ быстро произнес несколько слов, Робинзон, конечно, ничего не понял, но как отрадно было ему впервые за двадцать с лишним лет услышать человеческую речь!

Однако сейчас было не до проявлений радости, потому что оживший людоед уже поднимался с земли. Его недавний пленник ткнул пальцем в старую саблю, висевшую на поясе у его спасителя, и тот вытащил ее и протянул ему. Прежде чем Робинзон понял, что он сбирается делать, туземец схватил саблю, подбежал к врагу и одним мощным ударом отрубил тому голову.

Спасенный благодарит и выказывает свою преданность.

Свершив свой суд, он спокойно положил саблю

к ногам Робинзона, не сразу пришедшего в себя после того, что увидел. Туземец же, присев над телом убитого выстрелом людоеда, показывал пальцем на рану у того на груди и всем своим видом выказывал огромное удивление: как так могло случиться и от чего же тот умер? От грома или от молнии?

Робинзон был не прочь попытаться ему растолковать действие огнестрельного оружия, но только не теперь: теперь нужно было поскорее похоронить обоих мертвецов, чтобы соплеменники не обнаружили их поблизости от его жилища.

Когда это было сделано, Робинзон повел нового знакомца к себе в жилище, где дал ему воды, накормил и предложил измученному юноше лечь и отдохнуть.

Тот с молчаливой благодарностью поел, напился и, улегшись на козьи шкуры, через минуту погрузился в глубокий сон.

Спасенный недоумевает.

Робинзон испытывает симпатию к этому юноше.

Глава 9. Пятница

После того как спасенный туземец уснул, Робинзон довольно долго стоял возле его ложа и смотрел на него. У юноши были приятные черты лица, он был высок, хорошо сложен. Робинзон не дал бы ему больше двадцати пяти лет. Длинные прямые иссиня черные волосы обрамляли круглое, почти детское лицо, в котором ощущалась какая-то природная мягкость.

Туземец спал совсем недолго. Через какие-нибудь полчаса он проснулся и выбежал из жилища во двор, где Робинзон доил козу. Снова он опустился на колени, снова пригнул голову и поставил на нее ногу Робинзона. Ничего унижающего в этом жесте не было — только благодарность и обещание стать преданным другом…

Так началась долгая совместная жизнь Робинзона Крузо и молодого туземца, которому он дал имя Пятница, потому что именно в этот день недели вырвал юношу из рук людоедов.

В первый же вечер Робинзон решил объяснить ему, что отныне будет называть его именно так — Пятница, а самого Робинзона пускай тот на-

зывает словом «хозяин». Еще он обучил его двум самым коротким словам: «да» и «нет».

Юноша ходил совсем без одежды, и Робинзон с трудом уговорил его натянуть на себя такие же, как у него самого, штаны, безрукавку из козьих шкур и шапку, которую тот, правда, почти не носил — она ему мешала. Да и к остальной одежде он привык не сразу и надевал ее лишь для того, чтобы сделать приятное своему хозяину.

Весь остаток дня они провели в ожидании атаки людоедов, но ее не последовало, а на следующее утро оба поднялись на вершину холма и увидели оттуда, что их врагов и след простыл: ни людей, ни лодок, лишь остатки ужасного пиршества; никто и не вспомнил о двух не вернувшихся воинах.

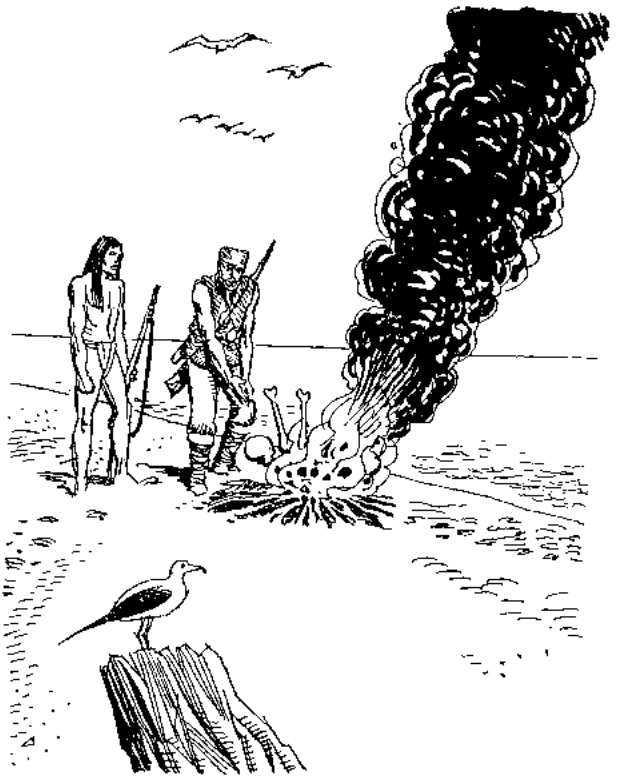
Пятница доволен своим новым нарядом.

Позднее в тот же день, когда Робинзон и Пятница проходили мимо места, где были закопаны те двое, юноша-туземец с помощью жестов дал

понять Робинзону, что предлагает выкопать их и съесть. В ответ Робинзон изобразил сильный гнев, а также показал, что его тошнит и может даже вырвать при одной только мысли об этом. Понял ли Пятница то, что хотел сказать ему хозяин, осталось неизвестным, но, во всяком случае, больше он не настаивал на своем предложении и послушно поплелся за Робинзоном. А тот поклялся себе, что непременно отучит этого славного парня от страшного обычая его племени.

Потом они спустились на берег, где собрали человеческие останки, развели костер и сожгли их, превратив в пепел все, что было возможно.

С каждым днем Робинзон все больше убеждался в том, что по характеру Пятница честный и преданный малый, к тому же весьма смышленый, и что своего нового хозяина он полюбил, как ребенок отца. Робинзон, в свою очередь, тоже проникся к нему симпатией и с удовольствием пытался учить юношу всему, чему можно: обращению с инструментами, с оружием, с ложкой, тарелкой, вилкой и даже английскому языку.

Робинзон и Пятница сжигают остатки людоедского пиршества.

Пятница послушно учился и быстро овладевал никогда не знакомыми ему раньше способами и приемами существования: самостоятельно одеваться и раздеваться, есть с тарелки, мыть за собой посуду. А также умело обращаться с огнестрельным оружием. Робинзон начал видеть в нем не только преданного слугу, но и друга и совсем перестал опасаться его. Присутствие Пятницы позволило Робинзону избавиться от чувства одиночества, и, если бы не угроза нового появления людоедов, он был почти уже готов провести остаток жизни на острове.

Английский язык Пятницы улучшался с каждым днем, и вскоре он уже мог, хотя и не без труда, отвечать на многие вопросы Робинзона, который постепенно сумел выяснить, что Пятница уже неоднократно бывал со своими соплеменниками на этом острове, так что немало знает о причудах и капризах морских течений вблизи него.

Робинзон обучает Пятницу английскому языку и показывает, что означает слово «tree».

Позднее Робинзон смог понять из его сбивчивых объяснений, что неподалеку от их острова проходит сильное течение, которое утром стремится в одну сторону и усиливается попутным ветром, а вечером — в другую. Еще позже Робинзон с помощью морских карт разобрался, что течение это не что иное, как продолжение могучей южно-американской реки Ориноко, которая впадает в море не слишком далеко от их острова. А та загадочная полоска земли, которую он видит в ясную погоду на западе, скорее всего, большой остров под названием Тринидад. Все эти сведения увеличивали надежду вырваться наконец из плена, в котором он находился к этому времени уже двадцать семь лет.

Удовлетворяя любопытство Робинзона, Пятница пытался поведать ему и о своем племени, тоже людоедском; о местах, где они живут, о постоянных войнах, которые ведут со своими соседями. Он говорил, что далеко-далеко, в той стране, «где садится солнце», что означало — к западу от его родных мест, живут «такие же, как ты, хозяин», светлые и бородатые люди, которые, как он слышал, убили много-много других людей, только не стали их есть. Как догадался Робинзон, он говорил, видимо, об испанцах, сто с лишним

лет назад нагрянувших в Южную Америку и завоевавших ее.

Пятница рассказывает Робинзону о своей стране.

Робинзон спрашивал у Пятницы: как тот думает, можно ли уплыть с их острова к тем белым бородатым людям, и юноша отвечал: — Да, если на двух лодках.

Не сразу Робинзон смог понять, что хочет сказать собеседник. Оказалось, «две лодки» означают просто один большой корабль.

Когда Пятница начал еще больше понимать по-английски — а был он, как уже сказано, способным учеником, — Робинзон поведал ему о своей собственной жизни, о том, как попал на этот остров, как жил до этого у себя в Англии и потом в Бразилии; о том, что у него и у других белых людей есть один Бог, в которого они верят.

Робинзон показал Пятнице выброшенную на берег полусгнившую спасательную шлюпку с их затонувшего корабля, на которую тот очень внимательно смотрел и наконец произнес:

Робинзон показывает Пятнице полусгнившую шлюпку со своего корабля.

— Моя видеть такая лодка, в ней много белые

люди.

— Где ты видел? — воскликнул Робинзон. — И сколько было людей?

— Моя видеть на мой остров. Они тонуть, мы их спасать. Много люди.

На пальцах он показал, сколько именно: Робинзон насчитал семнадцать человек.

— И что с ними стало? — спросил Робинзон, заранее понимая, какая судьба была им уготована у людоедов.

— Они жить, — отвечал Пятница. — Жить, как мой народ. Вместе.

— Вы не убили их? Не съели?

— Мы не съесть друзья, — разъяснил он. — Только враг. Война… — И потом добавил: — Пятница война за наш новый вождь. Старый вождь хочет убивать Пятница… и его отец…. и белых люди…

Робинзон понял: те, которые захватили Пятницу и еще кого-то в плен и собирались расправиться с ними, были, очевидно, сторонниками прежнего вождя, и в племени у Пятницы, видимо, шла небольшая гражданская война, как это называется у белых. Интересно, хотел бы его новый друг вернуться к себе, если была бы такая возможность, или он готов навсегда распрощаться со своим племенем?

Пятница видит лодку с белыми людьми.

В ответ на вопрос хозяина Пятница с улыбкой

проговорил:

— Я очень хотеть, где мой народ.

— И что бы ты стал делать там? — продолжал Робинзон расспросы. — Снова воевать и съедать врагов? Тебе не нравится моя пища? — Он кивнул в сторону недавно поджаренного на вертеле козленка, на миски с ячменной кашей и овощами, стоявшие на столе.

Пятница решительно затряс головой.

— Нет, нет! — закричал он. — Пятница не хотеть это! Пятница сказать свой народ резать козленок, есть каша, пить молоко. — Он немного подумал. — И верить один хороший Бог… — прибавил он.

— А не боишься, что тебя убьют за это?

— Они меня не убить, — сказал он уверенно.

«Пятница больше не жарить человеческий мясо!»

— Что ж, тогда возвращайся, мой друг, — с нескрываемой грустью проговорил Робинзон. — Твой дом там.

Пятница опять покачал головой.

— Я не плыть так далеко.

— А если сделаем лодку?

— Пятница ехать домой только с его хозяин. Вместе.

— Но меня убьют твои сородичи! И съедят!

— Нет-нет, хозяин! Я сказать, не делать это! Сказать, ты спасать меня. И кормить. Ка-ша… Мо-ло-ко… И учить…

На другой день Робинзон повел Пятницу на другую сторону острова и показал давно пришвартованную там маленькую лодку.

— Вот… Можем мы плыть к твоим людям? И к тем белым, которые живут у вас после кораблекрушения?

Пятница печально покачал головой.

— Нет, хозяин. Лодка слишком мал для плыть далеко.

«Этот лодка слишком мал».

Тогда Робинзон показал ему самую первую

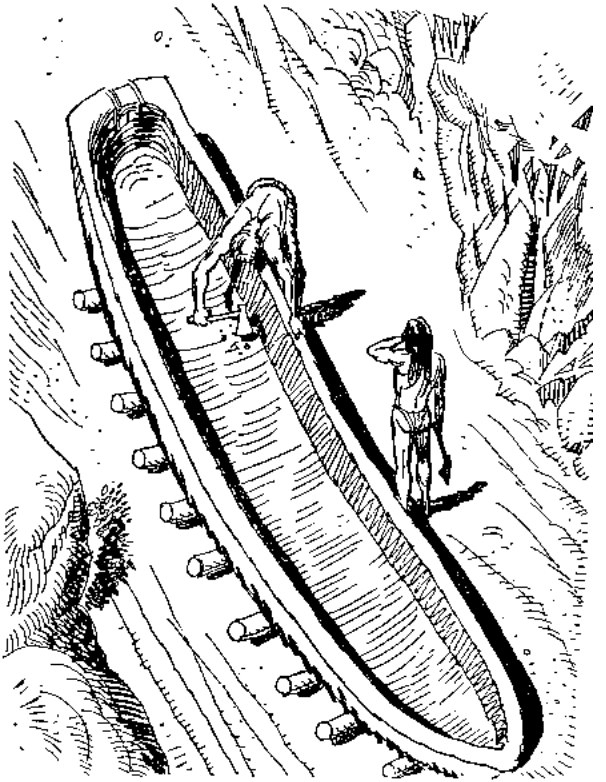
свою лодку, большую и тяжелую, которую он так и не смог сдвинуть с места ни на дюйм, и она уже вся потрескалась и наполовину сгнила за минувшие годы.

— Она хорошо большой, — сказал Пятница. — Однако плохой для вода. Она не плыть.

— Тогда, Пятница, — торжественно произнес Робинзон, — мы с тобой должны соорудить новую большую лодку…

Они начали искать подходящее дерево недалеко от ручья и вскоре нашли его и всего за месяц сделали лодку. Еще две недели понадобились на то, чтобы постепенно, дюйм за дюймом, с помощью деревянных катков, спустить ее на воду.

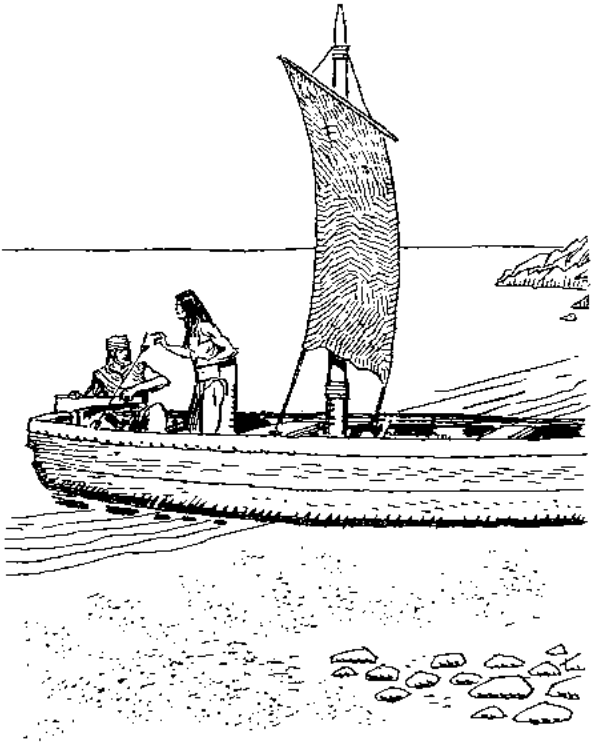
После чего приладили ствол молодого кедра в качестве мачты. Робинзон сшил парус из кусков брезента, лежавших у него в кладовке, и поставил на лодку руль. Не забыл он позаботиться и о якоре, о запасном канате и, конечно, о веслах, с которыми Пятница только и умел управляться, зато весьма искусно. О руле и парусе он слыхом не слыхал, однако быстро научился под руководством Робинзона ставить паруса и управлять лодкой.

Новую лодку спускают на воду.

В день, когда исполнилось ровно двадцать семь

лет с момента прибытия Робинзона на остров, что было видно по бесчисленным зарубкам на столбе-календаре, в этот день у него появилась твердая уверенность, что вскоре он сможет расстаться со своим многолетним прибежищем.

Робинзон учит Пятницу управлять парусом и рулем.

Робинзон готовит съестные припасы для долгого плавания.

Глава 10. Людоеды возвращаются

Начался сезон дождей, и отплытие на построенной вместе с Пятницей лодке пришлось отложить на полтора-два месяца. Это время Робинзон решил использовать для заготовки продуктов в дорогу. Он выпекал хлеб и делал сухари, сушил мясо, готовил оружейные припасы, тщательно паковал их.

Однако эти мирные занятия были однажды прерваны взволнованным криком Пятницы:

— Хозяин! О хозяин! Беда! Большая беда!

— Что такое, мой друг?

— Посмотри туда, хозяин! — Пятница показывал в сторону берега. — Они приплыть! Раз, два, три лодка… Они приплыть за Пятница, чтоб разрезать его на кусочки и съесть!

— Мы будем драться с ними, Пятница, — сказал Робинзон. — Ты станешь защищать меня, а я тебя! Не нужно бояться! Надо быть храбрым!

Но бедняга был страшно испуган. Он почему-то решил, что туземцы явились именно за ним, чтобы разрезать его на куски и съесть в отместку

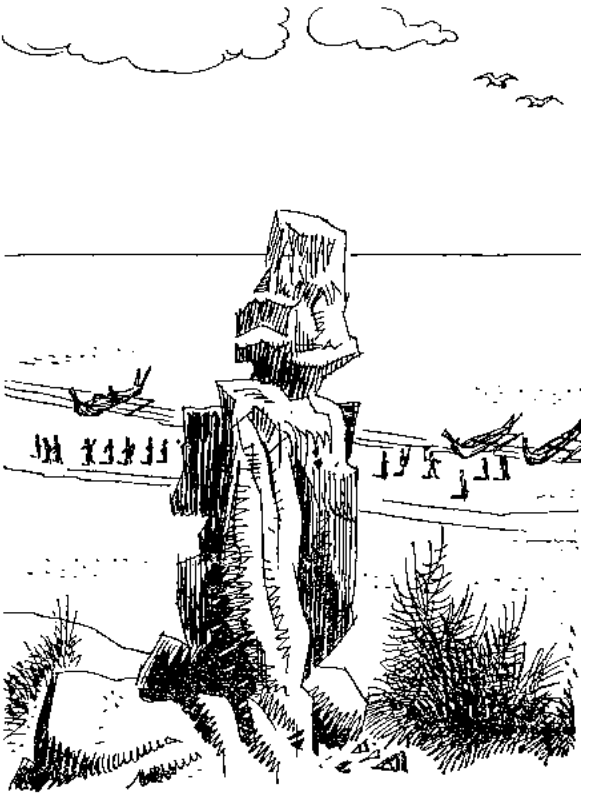
за что-то. Он сильно дрожал, и Робинзон не знал, как его успокоить и как поднять его боевой дух. Ибо иначе дела их будут совсем плохи.

— Мы не дадимся им в руки, — говорил ему Робинзон. — Постоим за себя! Мы будем сражаться и победим!.. — И, желая окончательно утешить его, добавил: — Во всяком случае, дружище, мне грозит то же самое, что и тебе, не более и не менее, и, значит, если нас и вправду съедят, то вместе…

Эти слова не слишком приободрили Пятницу, и тогда Робинзон прямо спросил его:

— Ведь ты же умеешь драться, верно? Ты даже научился стрелять, как белый человек.

— О, я умею стрелять, хозяин, — отвечал туземец. — Но их так много, так много!

Людоеды снова на острове. С ними пленники.

— Не беда! Мы будем метко стрелять, и они разбегутся. Я стану на твою защиту, а ты на мою, хорошо?.. Ведь я могу на тебя положиться, мой друг?

— О, хозяин! Я драться… я умею стрелять… я умереть, если скажешь!

— Спасибо, друг, — с этими словами Робинзон взял подзорную трубу и поднялся на холм.

Все оказалось так, как говорил Пятница, и, спустившись вниз, Робинзон стал готовить оружие: мушкеты, пистолеты, дробовики. Потом подозвал своего друга и сказал ему:

— Сейчас мы подберемся поближе к ним. Нужно их напугать и окончательно прогнать с нашего острова. Держись рядом со мной и ничего не делай без моего приказания.

Прячась за кустами и деревьями, они подобрались как можно ближе к берегу, и Пятница, у которого зрение было намного острее, чем у хозяина, рассказал ему, что там происходит.

«Он белый человек. На нем одежда... И усы...»

Туземцы привезли с собою трех пленников.

Одного из них уже убили и жарят на костре, двое других, связанные, ожидают своей участи.

— Гляди, хозяин, — прошептал Пятница. — Он белый человек. На нем одежда. И усы… Я знаю его…

Два здоровенных туземца уже направлялись к пленнику с дубинками в руках. Терять время было нельзя: еще немного — и он окажется на костре.

— За мной! — приказал Робинзон. — Делай то же, что я! Стреляй!

Подойдя уже в открытую еще ближе к берегу, Робинзон поднял мушкет, прицелился и выстрелил. Пятница сделал то же. Выстрелы достигли цели: несколько туземцев были убиты или ранены. Остальные в ужасе метались по берегу, не зная, что делать, куда бежать, и кричали как оглашенные.

После первых выстрелов Робинзон положил на землю свой мушкет и взял дробовик. Пятница последовал его примеру.

— Стреляй! — повторил Робинзон. — Стреляй и кричи как можно громче!

«Огонь!»

Дробовики, заряженные мелкими пистолет-

ными пулями, ранили и убили еще несколько людоедов.

— Вперед! — крикнул Робинзон и выскочил на берег, прямо туда, где горел костер, торопясь помочь несчастному европейцу.

Увидев людей с «огненными палками» в руках, почти все дикари попадали на землю, а некоторые, кто посмелей, ринулись обратно к лодкам, но Пятница меткими выстрелами уложил их всех.

Сам Робинзон в эти минуты подскочил к белому пленнику, перерезал веревки, которыми тот был опутан, и заговорил с ним по-португальски, как говорят в Бразилии, спрашивая, кто он и откуда и как сюда попал.

Бедняга был так слаб, что не мог вымолвить ни слова, и Робинзон, сняв с пояса фляжку с ромом, поднес к его губам. Сделав несколько глотков, тот обрел кое-какие силы и заговорил. Робинзон понял только, что он испанец, и постарался объяснить ему, что сейчас надо сражаться, а побеседуют они позднее.

Робинзон освобождает пленника-испанца.

Испанец выразил готовность немедленно

взять в руки оружие и, получив от Робинзона саблю и пистолет, тут же вступил в бой, смело бросившись на врагов, некоторые из которых уже пришли в себя и начали оказывать яростное сопротивление.

Один из них, высокий и сильный, сумел своим тяжелым деревянным мечом свалить испанца с ног и уже собирался размозжить ему голову, но Робинзон уложил дикаря одним метким выстрелом.

Бой продолжался недолго, большинство туземцев были убиты или ранены, те, кто остался в живых, бросились к одной из лодок и стремительно отплыли от берега.

Пятница в возбуждении плясал на берегу и кричал:

— Мы победа! Плыть за ними, хозяин! Пускай они не уходить от нас!

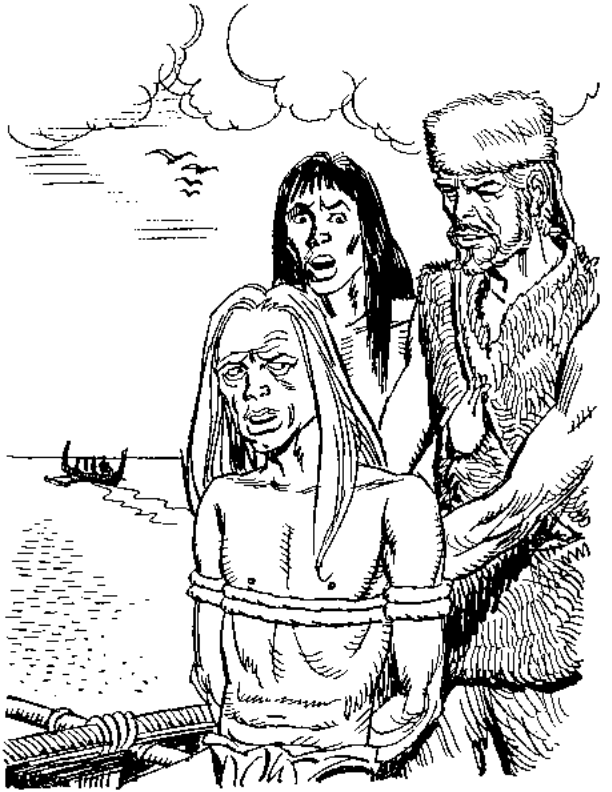
Робинзон был согласен, что нужно их преследовать и не дать уйти, потому что они ведь могут вернуться обратно с целой сотней, если не больше, соплеменников. И, намереваясь отправиться в погоню, он вскочил во вторую лодку, на дне которой, к своему удивлению, обнаружил еще одного связанного пленника — немолодого морщинистого туземца.

Испанец смело вступил в бой.

Робинзон развязал его и позвал Пятницу, чтобы

объяснить старику, что тот свободен. Пятница прыгнул в лодку, увидел этого человека и остолбенел. Он не поверил своим глазам! И потом он громко и радостно закричал…

Еще один пленник.

«Отец!.. Это мой отец!..»

Глава 11. Два незваных гостя

— Отец!.. Это мой отец! — кричал Пятница, обнимая и целуя седого туземца, освобожденного Робинзоном.

Невозможно представить себе, что делалось с Пятницей! Самый черствый человек и тот был бы наверняка тронут до слез, если бы увидел эту картину. Он плакал, смеялся, прижимал старика к груди, потом начал прыгать вокруг него, потом запел, заплясал, опять заплакал, замахал руками, принялся колотить себя по голове, по лицу, по груди — словом, был похож на самого настоящего безумца.

Робинзон, который не сразу сумел понять, что старый туземец не кто иной, как родной отец Пятницы, сначала даже немного испугался за душевное состояние своего друга. Однако потом по достоинству оценил его сыновние чувства и возрадовался вместе с ним.

Пленник был полумертв от истощении и страха и тоже не сразу понял, что же произошло, потому что лежал связанный на дне лодки и ничего не мог видеть, только слышал дикие крики своих

мучителей и грохот выстрелов.

По его морщинистому лицу текли слезы, он что-то пытался рассказать сыну, который начал растирать его одеревеневшие от веревок руки и ноги.

Робинзон предложил старику немного рома, изюма, однако пить и есть тот смог не сразу и только с помощью сына.

На все это ушло время, и, когда Робинзон посмотрел на море, лодка с их противниками была так далеко, что догнать ее не представлялось возможным. Поэтому он поспешил обратить внимание на другого пленника, испанца, который лежал под деревом совсем без сил и тоже требовал внимания и заботы.

Робинзон помог ему подняться, повел туда, где находились Пятница и его отец, и, пока они шли, испанец не переставал благодарить Робинзона за свое спасение.

Робинзон помогает испанцу дойти до лодки.

А также успел рассказать, что после кораблекрушения он и его товарищи уже несколько лет

живут на каком-то острове среди дикарей.

Уложив освобожденных пленников на дно лодки, Робинзон с Пятницей взялись за весла и направились к устью ручья, за которым находилась их крепость; там пришвартовались, высадили пассажиров и помогли им преодолеть оба частокола и войти в жилище. Их сразу разместили на тюфяках, Робинзон начал готовить для всех пищу, а Пятницу отправил обратно на берег, приказав закопать всех убитых, а также остатки страшного пиршества.

Когда тот вернулся, все четверо долго пытались наладить общение друг с другом, и каждый стремился хоть немного рассказать о себе; потом стали обсуждать, что делать дальше, и тогда больше всех говорил Робинзон, а Пятница продолжал выполнять роль переводчика — для своего отца и для испанца, который после кораблекрушения за четыре года жизни среди туземцев уже неплохо понимал их язык.

Пятница переводит отцу слова Робинзона.

— ...Те четверо, — сказал Робинзон, — кто сумел

уплыть на лодке, могут вернуться с целой армией соплеменников, и тогда нам придется худо. Вы согласны с этим?

На это отец Пятницы возразил, сказав, что, судя по всему, на море собирается сильный шторм и вряд ли эти люди благополучно доберутся до своего острова. А испанец высказал разумное предположение, что, даже если они попадут к себе домой, то порасскажут такое об «огненных палках», которые убивают издалека, и о белом, одетом в шкуры, «злом духе», что никто больше и не сунется сюда, на остров. Пятница поддержал испанца и заверил, что так оно наверняка и будет: он ведь сам до сих пор побаивается Робинзона и его «палок», хотя научился стрелять из них, как из лука. Даже еще лучше… Что и доказал сегодня…

Когда испанский моряк и отец Пятницы набрались сил, Робинзон предложил вместе подумать о том, как им покинуть остров и куда направиться.

Туземцы в страхе удирали подальше от этого острова «злых духов».

Отец Пятницы заверил, что его соплеменники примут Робинзона с распростертыми объятиями, но у испанца было на этот счет другое мнение, которое он высказал лично Робинзону.

Он сказал, что пока с ним и с его сотоварищами по несчастью туземцы обращались неплохо, но каждую минуту можно ждать всего, чего угодно — он это чувствует нутром, а кроме того, и он, и его друзья никак не могут привыкнуть к пище, которую едят дикари, уж не говоря — он содрогнулся — о человечине. Моряки там донашивают свою одежду, У них нет никаких инструментов, чтобы построить корабль и уплыть оттуда. Нет морских карт. И если бы Робинзон смог им помочь, они благодарили бы его всю оставшуюся жизнь. Пускай он, хотя бы для начала, возьмет их сюда, на этот остров.

— Что ж, — ответил, подумав, Робинзон, — пожалуй, хорошая мысль. Давайте снарядим лодку, выберем хорошее время года, и вместе с отцом Пятницы вы отправитесь к его племени и вернетесь сюда со всеми своими товарищами. А дальше будем думать.

Робинзон и его друзья строят планы, как покинуть остров.

Испанец на это сказал, что лучше, по его мнению, если они уплывут отсюда не раньше, чем через шесть месяцев, а за это время помогут Робинзону распахать и засеять еще два участка поля — для риса и ячменя, чтобы к их возвращению было чем прокормить больше десятка человек.

Робинзону понравилось и это предложение, и он его с благодарностью принял.

Несколько месяцев они вчетвером вскапывали и рыхлили землю, собирали и сушили виноград, заготавливали впрок овощи и мясо и успели даже снять один урожай. После чего испанец и отец Пятницы отправились в нелегкое плаванье на той лодке, которую перед их появлением на острове соорудили Робинзон с его молодым другом и на которой уже были парус и штурвал. Робинзон и Пятница долго махали им руками, желая счастливого пути.

Собирают общий урожай.

Робинзон снабдил их продуктами дней на восемь, дал испанцу два мушкета и порох. Уговорились, что, когда будут возвращаться, они из

этих ружей выстрелят два раза, давая знать, что подплывают свои.

В день их отъезда Робинзон отметил на своем календаре, что сегодня исполнилось ровно двадцать восемь лет и два месяца с той поры, как он высадился на острове. Сейчас ему казалось, что до окончательного спасения остается уже совсем недолго.

Робинзон и Пятница желают счастливого плавания ушедшим в море.

«Хозяин! Хозяин! Наши приплыть назад!»

Глава 12. На острове появляются англичане

Дней десять спустя рано утром Робинзона разбудили крики Пятницы:

— Хозяин! Хозяин! Наши приплыть назад!

Робинзон вскочил и бросился на холм. Милях в трех от берега он увидел лодку, но совсем не ту, на которой отправились их друзья, а намного больше и с парусом другой формы.

— Это не они, Пятница, — сказал он. — Не те, кого мы ждем. И я не знаю, там друзья или враги. Сейчас возьму подзорную трубу и оружие. И ты бери. Спрячемся в роще и будем наблюдать.

Роща, которую когда-то насадил Робинзон, давно уже разрослась и превратилась в густой лес. Глядя оттуда на море, он ясно увидел приближающийся к острову баркас, а далеко за ним лежащий в дрейфе корабль, по виду похожий на английское торговое судно.

Неужели сбылись его мечты? Его сны? Неужели там его соотечественники и он может считать себя спасенным? Радостные мысли омрачались сомнениями: он знал, что англичане обычно

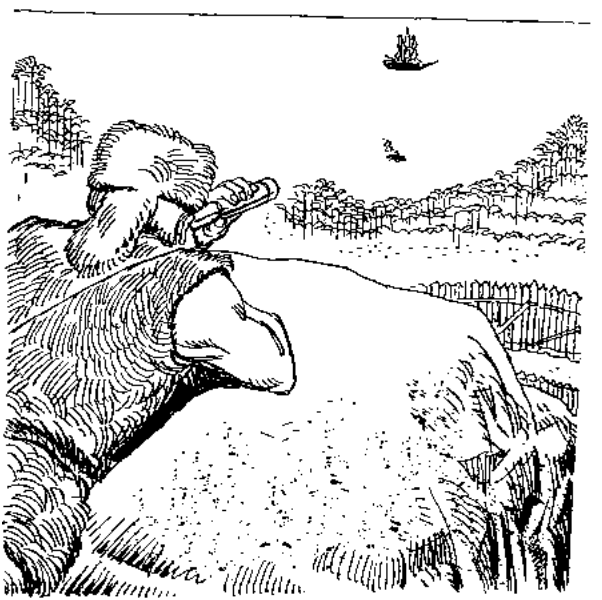
не занимаются морской торговлей в этой части мира. Но прошло столько лет — может, теперь начали? А возможно, корабль занесло сюда штормом?

Итак, нужно соблюдать осторожность и не выдавать своего присутствия.

Баркас уже пристал к берегу, люди вышли из него. Все они были похожи на англичан. Робинзон насчитал одиннадцать человек; но трое из них, очевидно, были пленниками: руки связаны за спиной. Один из них упал на колени и, видимо, о чем-то молил. Его грубо толкнули, ударили и велели подняться.

Пятница, наблюдавший за всем этим тоже в подзорную трубу, крикнул:

— Хозяин! Робин Крузо! Ты видеть? Белые тоже кушать белых!

«Неужели англичане?!»

Робинзону было не до разговоров, но он все же

ответил:

— Нет, мой друг, они их могут убить, это верно, чего я и опасаюсь, но кушать их, ручаюсь, не будут.

Он был почти уверен, что именно так все и произойдет: трое несчастных, двое из которых находились уже в солидном возрасте, будут убиты. Но за что?

В общем, все это предстояло узнать и по возможности — так решил Робинзон — оказать помощь пленникам. Но как?..

Дальше события разворачивались следующим образом: поорав во всю глотку на пленников, поиздевавшись над ними, большинство моряков разбрелись по берегу с флягами, наполненными ромом, время от времени прикладываясь к их горлышку. Двое делали то же самое, не вылезая из баркаса, и вскоре свалились там и уснули, а их жертвы со связанными руками, предоставленные ненадолго самим себе, в тоске и отчаянии опустились на землю под одним из деревьев.

«Они их тоже убить и кушать, хозяин?»

Робинзон, посчитав момент подходящим, позвал Пятницу, и, захватив дополнительное

оружие и снаряжение, они направились к трем пленникам.

Подойдя к ним сзади, из-за толстенного ствола дерева Робинзон негромко произнес по-испански:

— Кто вы, сеньоры, и что с вами произошло?

Пленники в ужасе уставились на него: его странный вид и куда более странный вид его спутника — дикарь в одежде! — оружие, которым они были увешаны, — все это ввергло несчастных в еще больший испуг и отчаяние. Они молчали.

Не получив ответа, Робинзон спросил то же самое по-английски и добавил:

— Не удивляйтесь моему облику. Я хочу помочь вам.

И тогда один из пожилых людей заговорил, тоже по-английски:

— Вы, должно быть, настоящий ангел, сэр, посланный нам с небес. Только, думаю, нам никто уже не в силах помочь.

Робинзон не мог сдержать улыбки.

Пленники в ужасе уставились на них и молчали.

— Будь я ангелом, — сказал он, — одежда на мне была бы другая и лучшего качества. Но не будем терять времени. Я англичанин, а этот человек, — он показал на Пятницу, — преданный мне друг. Как видите, у нас есть оружие и запасы пороха, и мы можем оказывать сопротивление, если нужно.

Второй пожилой пленник с трудом поднялся на ноги и сказал:

— Я был капитаном того корабля, сэр, который стоит на якоре там, в море. На нем произошел бунт, мои матросы захватили судно. Сначала они хотели убить меня, но потом решили высадить на берег вместе с моим первым помощником и пассажиром, которых вы здесь видите, и оставить на берегу, чтобы мы умерли голодной смертью. А как вы здесь очутились, сэр?

— Об этом позже, капитан. Сейчас мы развяжем вам руки и вы возьмете в них оружие… Так, а теперь быстро уходим в глубину леса и там будем решать, что делать дальше…

Капитан рассказывает о бунте на его корабле.

По дороге в укрытие капитан рассказал, что среди команды корабля оказались два беглых каторжника, которые затеяли бунт, пообещав разделить весь груз, который на борту, между матросами. Однако достаточно справиться с несколькими мятежниками, высказал предположение капитан, и остальные повинятся и станут смирными, как овечки.

Робинзон выслушал все это и произнес:

— Сэр, не хочу подвергать сомнению ни одно ваше слово, но должен спросить прямо: если я помогу вам вырвать корабль из рук бунтовщиков, смею я рассчитывать, что вы сделаете для меня две вещи?

— Все, что угодно, сэр! — воскликнул тот. — Мой корабль будет в вашем полном распоряжении. Клянусь!

Остальные кивком головы подтвердили его обещание.

— Хорошо, — сказал Робинзон. — Тогда первое мое условие: здесь, на острове, вы, трое, должны выполнять все мои приказания.

— О, сэр! — произнес капитан. — О чем вы говорите?! А второе условие?

Робинзон ведет пленников в глубину леса.

— Второе: если корабль будет возвращен вам,

вы доставите на нем в Англию меня и всех, кого я попрошу. Согласны?

Капитан клятвенно заверил, что всё будет непременно выполнено, если у него достанет сил и умения…

Всё прошло успешно: внезапное нападение помешало преступникам прийти в себя и собраться с силами. Двое, начавшие отстреливаться, были сразу убиты, остальные, так и не понявшие толком, откуда их капитан получил поддержку и что вообще произошло, быстро сдались и стали умолять о пощаде.

Капитан объявил, что сохранит им жизнь, если те поклянутся в верности, и, когда те дали клятву, поверил им. Что еще оставалось делать?

Однако Робинзон был более осторожен и предложил, пока суд да дело, связать этих людей и отвести в надежное место.

И снова Робинзон с капитаном начали раздумывать, как поступить дальше.

— На корабле осталось еще немало матросов, — сказал капитан, — которые, хотели они принимать участие в бунте или нет, все равно будут считаться мятежниками. И они хорошо знают, что по нашим английским законам за мятеж на корабле только одно наказание — смерть

через повешение. Поэтому добровольно они не сдадутся, а будут сопротивляться изо всех сил и предпочтут уйти в море и стать пиратами, лишь бы не болтаться на виселице.

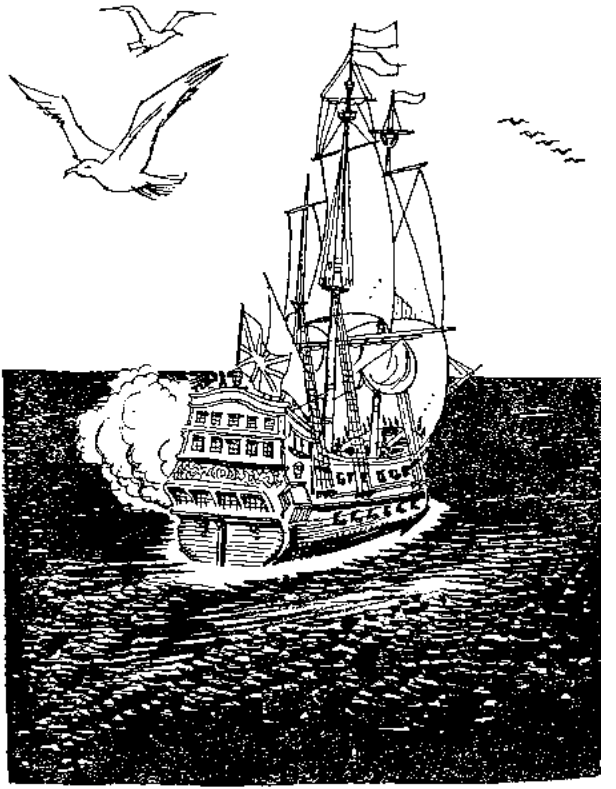
Бунтовщики просят о пощаде.

— Вы правы, сэр, — согласился Робинзон. —

Однако они сами поставили себя в отчаянное положение. Впрочем, и наше положение нелегкое: отбить корабль, на котором… сколько их там?.. Около двух десятков молодцов… Нужно хорошенько обдумать, как поступить.

Пленных отводят в надежное место.

С мятежного корабля подают сигнал.

Глава 13. Робинзон подавляет мятеж

— ...Так вот что я предлагаю, — продолжил капитан. — Вскоре многие из оставшихся на корабле наверняка сойдут на берег в поисках своих дружков, которых мы задержали. Их мы тоже должны захватить в плен. А уж потом поплывем на корабль и возьмем его на абордаж!

И в эту минуту с мятежного корабля раздался пушечный выстрел и на его мачтах взвились сигнальные флажки — это оставшиеся там призывали отплывших поскорее вернуться на борт: что-то их, видно, обеспокоило. Однако сами они ничего не предпринимали, и какое-то время над морем стояла тишина.

Но потом с корабля все же спустили еще один баркас, в него сели человек десять и начали грести к берегу.

Робинзон и капитан наблюдали за ними в подзорные трубы, и, когда те подплыли ближе, капитан сказал:

— Из всех этик молодцов могу ручаться за троих, они хорошие, честные ребята. Остальные,

должен признаться, отпетые негодяи. Они уже успели показать себя во всей красе за время плавания. Особенно боцман.

Робинзон улыбнулся.

— Что ж, капитан, не так уж плохо. Хотя число негодяев все время увеличивается. Давайте подсчитаем: нас с вами пятеро, плюс те двое из наших пленников, кому вы доверяете, — получается сколько? Семеро. Да еще трое с этого баркаса. Целая армия! Осталось только ее собрать и вооружить…

Баркас уже подплывал к берегу, сидевшие в нем начали кричать изо всех сил, призывая дружков откликнуться, ругая их в хвост и в гриву. Потом стали стрелять в воздух, но никто всё равно не отзывался, и это начало их сильно беспокоить. Наконец семеро из них решили отправиться на поиски, а троих оставили сторожить баркасы.

Еще один баркас отправился от корабля к берегу.

— Необходимо заставить их выйти на берег, —

предложил Робинзон. — Потому что, если мы предпримем атаку, а они сумеют отплыть от берега, весь план захвата рухнет: вернувшись на корабль, они расскажут о нападении, и судно немедленно снимется с якоря.

Сейчас, когда впервые за двадцать восемь лет появился единственный шанс оставить этот безлюдный остров и вернуться в привычный мир людей, Робинзон не мог рисковать.

И он придумал маленькую хитрость: предложил Пятнице и еще двум из своих сподвижников углубиться в прибрежную рощу и, разойдясь в разные стороны, кричать только одно слово: «Эй!» Этим способом он рассчитывал завлечь на берег, к устью ручья, тех, кто сидит в баркасе, а также сбить с толку остальных, углубившихся в лес, и разделить их на мелкие группы, с которыми легче справиться.

Все получилось не совсем так, как хотелось Робинзону, но все равно удачно.

На громкие крики «Эй!» отозвались и те, кто на берегу, и те, кто сторожил баркас. Однако трое последних не стали вылезать на берег, а принялись грести к устью ручья, вошли в него и проплыли немного вверх, продолжая перекликаться, как они полагали, со своими товарищами.

Пятница и другие соратники Робинзона соглашаются с его планом.

И тут их атаковал отряд Робинзона, и они тоже сразу сдались и стали упрашивать капитана простить их и взять в свои союзники. Что тот охотно сделал, тем более что не считал именно этих матросов совсем уж отпетыми негодяями…

День клонился к вечеру, Робинзон со своим отрядом возвратился на берег и укрылся там за скалами, ожидая, когда остальные бунтовщики выйдут из леса. Среди них, сказал капитан, должен быть тот, кто затеял все это, — предводитель мятежа, негодяй-боцман.

В числе первых боцман показался из рощи, и капитан, не выдержав, выскочил из укрытия и метким выстрелом уложил его наповал. Остальные, кто был рядом с ним, в страхе метались по берегу, не понимая, что происходит. Они кинулись туда, где оставили лодки, но одна из них, как мы знаем, прошла вверх по ручью в глубину рощи, вторую же вытащили на сушу во время прилива, а сейчас начался отлив и до кромки моря было далеко.

Моряки, сидевшие в баркасе, тоже сдались на милость капитана.

Робинзон не спешил выйти со своими сподвижниками из укрытия, он хотел, чтобы на берегу собрались все бунтовщики — тогда будет легче расправиться с ними в наступающей темноте или попытаться склонить их на свою сторону.

Пока же он велел одному из сдавшихся начать переговоры с теми, кто оставался на берегу, и попробовать уговорить тоже сдаться.

— Давай! — сказал он. — Позови того, кого лучше знаешь.

Тот послушно завел разговор, продолжая скрываться за деревьями.

— Эй, Том Смит! — крикнул он. — Том! Узнаешь, кто с тобой говорит?

— Вильямс? — откликнулся тот. — Это ты?.. Что тут такое, черт возьми?

— Слушай меня, Том, — продолжал Вильямс. — Бросай оружие, брат, и сдавайся, как сделал я, иначе все вы погибли!

Капитан убивает предводителя бунтовщиков.

— Кому сдаваться? — заорал тот в ответ. — Кто в нас стрелял? Где они?

— Здесь наш капитан, а с ним еще человек пятьдесят. И все вооружены до зубов, слышишь меня?

— Мы слышим, Вильямс! — ответил другой бунтовщик. — А они сохранят нам жизнь, если мы сдадимся?

На этот раз вместо Вильямса заговорил сам капитан.

— Эй, Смит! Ты ведь знаешь мой голос, верно? Так вот, если ты и все остальные бросите сейчас же оружие на землю и поднимете руки, мы сохраним вам жизнь. Всем, кроме Билла Аткинса. Я вижу его с вами. Он не заслужил пощады!

— Капитан! — взмолился Аткинс. — Смилуйтесь надо мной! Чем я хуже других?

— Ты одним из первых набросился на меня, висельник, и стянул мне руки веревкой, — отвечал капитан. — Я не собираюсь тебя прощать. Впрочем, — добавил он, подмигнув Робинзону, — на этом острове есть губернатор, я хорошо знаком с ним. И если он решит оставить тебя в живых…

«Сдавайтесь сейчас же!»

Робинзон, стоя за деревом рядом с капитаном,

хмыкнул и пробормотал:

— Я и не догадывался до сих пор, кто я такой здесь. А пожалуй, так оно и есть. Спасибо, капитан.

Однако на то, чтобы развивать эту тему, сейчас не было времени, тем более что бунтовщики, коротко посовещавшись друг с другом, послушно бросили на землю оружие и подняли руки.

— Командуйте отрядом, капитан, — сказал Робинзон, — и отведите пленных к тем, кто уже, связанные, сидят у меня в пещере. А губернатор пойдет сзади вас, никем не замеченный. Негоже лицу столь высокого ранга появляться перед своими подначальными в одежде из козьих шкур и в такой изношенной обуви…

Уже в жилище Робинзона капитан произнес перед мятежниками небольшую речь.

— Вы все сейчас пленники, но не мои, — говорил он суровым тоном, — ваши судьбы зависят от губернатора, который тоже англичанин и живет по английским законам. А по ним все вы должны быть повешены. Либо здесь, либо в Англии, куда он может вас отправить на своем корабле.

«Я и не догадывался, что я здесь губернатор».

— Но, капитан... — заговорил после гробового

молчания один из пленников. — Разве… если вы попросите его за нас, он не может смягчиться? Мы же никого не убили…

Эти слова поддержали все остальные. Капитан молчал. Напряжение возрастало.

— Что ж, попробую, — сказал он наконец. — Не знаю, как насчет остальных, а когда губернатор узнал о поведении Билла Аткинса, то велел повесить его первым, уже на рассвете.

Бедняга Аткинс бухнулся на колени и снова начал молить капитана сохранить ему жизнь. Остальные просили о другом: ни в коем случае не отправлять их в Англию, где над ними будут вершить суд и, конечно же, приговорят к смертной казни, а разрешить остаться хотя бы здесь, на острове. Они станут мирно жить и работать, верой и правдой служить губернатору и всей Британской империи.

«Губернатору решать, повесить вас или нет...»

Еще много чего они говорили, перебивая друг друга, давали множество обещаний, снова и снова клялись в преданности губернатору и капитану.

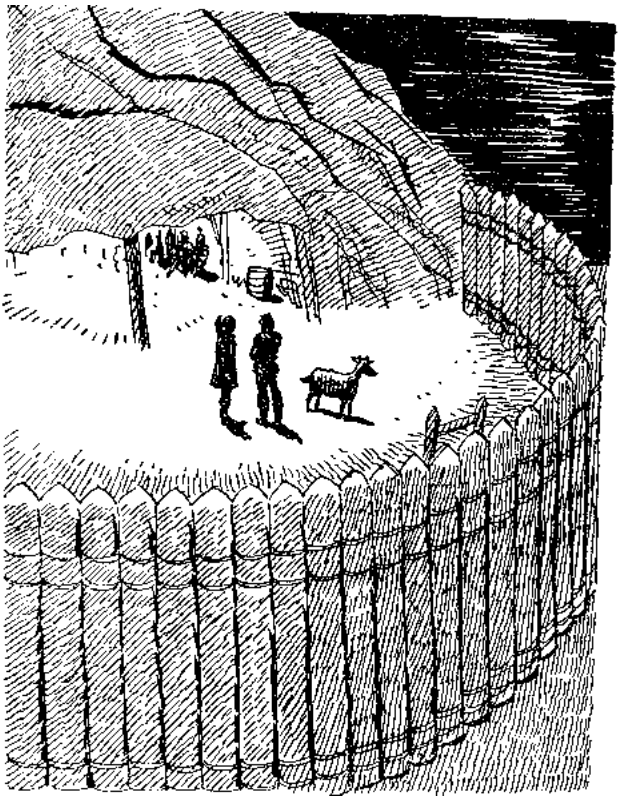
Слушая нестройный гул их голосов, находившийся в соседнем помещении Робинзон подумал, что, прикажи он сейчас этим испуганным людям захватить для него корабль, который еще недавно они собирались превратить в пиратский, и они немедленно сделают это…

— Решение о вашей судьбе, — повторил капитан, — примет не далее как завтра утром его сиятельство губернатор. Сейчас он сидит в своем роскошном замке на другом конце острова и ждет от меня гонца…

«Его сиятельство губернатор» сидел в это самое время на низкой скамеечке, сколоченной собственными руками, и в полутьме доил одну из коз.

«Его сиятельство губернатор» доит козу.

Робинзон и капитан решают самый главный вопрос: как вырвать корабль из рук мятежников?

Глава 14. Робинзон захватывает корабль

Закончив беседовать с пленными, капитан нашел Робинзона, и они вновь стали решать, что делать дальше — такое уж для них обоих наступило время: чуть не каждую минуту принимать решение, каким должен быть следующий шаг.

Главной задачей сейчас было — захватить корабль. Но оба понимали, что их отряду, насчитывающему от силы семь человек, сделать это не только трудно, но невозможно: ведь на корабле еще оставалось чуть не вдвое больше мятежников во главе с самозваным капитаном. Поэтому подлинный капитан вынужден был, скрепя сердце, прибегнуть к помощи тех мятежников, клятвам в преданности и обещаниям которых можно было, как он надеялся, доверять… Надеялся, но до конца уверен не был. Однако ничего другого не оставалось, и капитан вновь обратился к пленникам, обрисовал страшную судьбу, которая их ждет, и затем сказал:

— Но если вы поможете мне вернуть корабль, обещаю замолвить о вас словечко самому гу-

бернатору и уверен, что он изволит частично простить вас.

Люди были счастливы слышать, что у них остается шанс хотя бы сохранить жизнь, и снова падали на колени и клялись, что будут до гроба верны ему.

— Ладно, — заключил капитан, — тогда постараюсь как можно быстрее доложить губернатору о том, что вы мне обещали…

И он пошел в соседнее помещение и рассказал Робинзону, какие посулы дали ему пленники. Тот не был склонен особенно верить их клятвам и посоветовал капитану отобрать из них хотя бы нескольких, но самых-самых надежных, которых и взять для захвата корабля, а остальных оставить как заложников.

Когда капитан сообщил пленникам об этом решении, они еще раз убедились, что губернатор острова шутить не любит: человек он и впрямь твердый как кремень и весьма мудрый. И они стали друг друга уговаривать честно сражаться за капитана, чтобы все, кто останутся на острове, не были казнены.

Капитан дает мятежникам шанс сохранить жизнь.

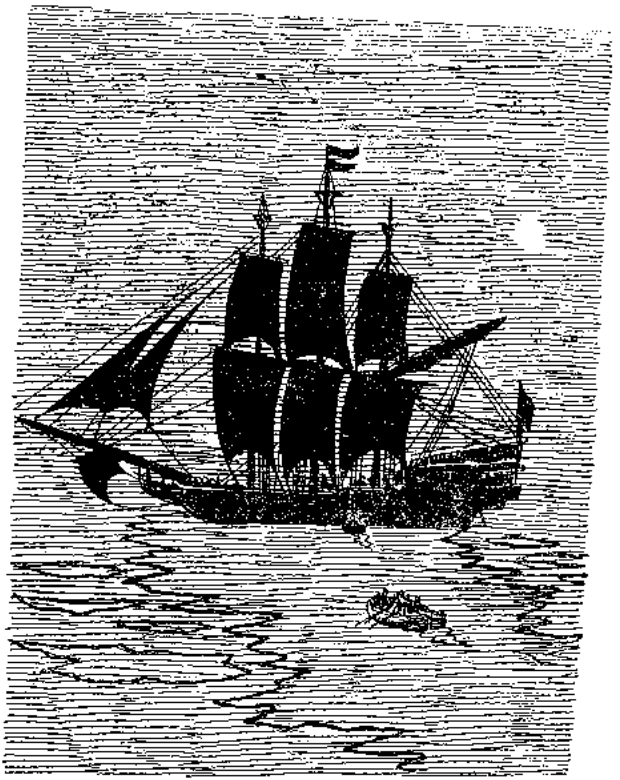
Штурм решено было начать в середине ночи, и с наступлением полной темноты два баркаса направились к кораблю. В них находились одиннадцать человек под командованием капитана; Робинзон и Пятница остались на берегу сторожить остальных бунтовщиков.

Мятежники, спокойно спавшие на борту судна, ничего не знали о происшедшем на острове и, когда баркасы подплыли к кораблю, подумали, что вернулись свои, оставив на берегу, как было задумано, капитана с его помощником и с пассажиром. А быть может, прикончили их — какая разница?

Первыми вскочили на палубу капитан и его помощник; они сбили с ног вышедших им навстречу, связали их, после чего капитан приказал запереть люки, чтобы все, кто внизу, не смогли прийти на помощь. Остальные из нападавших прорвались на камбуз [5]и захватили там еще трех человек.

---

[5] Примечания: 5
Камбуз — судовая кухня.

Штурм начинается.

Однако тот, кого избрали новым капитаном,

заперся в главной каюте с несколькими сторонниками, и оттуда они открыли огонь через дверь. Было ранено двое из нападавших, но это не остановило их, дверь выломали, и после яростной схватки самозванец-капитан был убит, сопротивление сломлено и законный капитан вновь стал хозяином корабля. Все оставшиеся в живых сдались на его милость.

Сразу после этого капитан приказал дать семь выстрелов из пушек, что означало полную победу. Робинзон услышал грохот, и сердце его наполнилось глубокой радостью: эти звуки означали, что подошел конец его многолетнему пребыванию на необитаемом острове.

На рассвете капитан со своим отрядом вернулся на остров. Они обнялись с Робинзоном; тот не мог сдержать счастливых слез, а капитан торжественно произнес:

«Вот ваш корабль, мистер Робинзон Крузо!»

— Мой дорогой друг и спаситель, судно — в вашем распоряжении. Мы готовы к отплытию

в Англию.

К изумлению Робинзона, корабль уже стоял у входа в устье ручья, флаги на нем развевались, все паруса были подняты.

В течение нескольких минут Робинзон не мог вымолвить ни слова: слезы душили его. Наконец он взял капитана за руку и проговорил дрожащим голосом:

— Мой друг, могу только сказать, что вас наверняка послало Небо.

С этими словами он опустился на колени и вознес благодарную молитву Господу.

И тут капитан приказал нескольким матросам принести с корабля в хижину подарки, отобранные специально для губернатора.

Среди принесенных даров были бурдюки с вином, мешки с сушеным мясом, коробки с печеньем, корзины с овощами, а также тюк с одеждой. Да, с обычной одеждой. И были в нем куртки, камзолы, штаны, сапоги, чулки, башмаки… Таких нарядов Робинзон не видел уже почти три десятка лет! С некоторой опаской он по настоянию капитана переоделся, сбросив наконец свои козьи шкуры, однако долго еще не мог привыкнуть к обновкам.

Не сразу привык Робинзон к своему новому наряду.

Впрочем, новый наряд отнюдь не помешал ему сразу же заняться вместе с капитаном решением

вопроса о подготовке к отъезду с острова и о том, что все-таки делать с особо ярыми мятежниками и главными зачинщиками. Их, правда, совсем немного, этих заблудших душ, но все же они представляют немалую опасность, тем более во время такого длительного плавания, которое предстоит.

— Конечно, можно их заковать в кандалы и взять с собой на корабль, — говорил капитан, — но, боюсь, хлопот не оберемся с этими головорезами.

— Оставим их здесь, — предложил Робинзон. — На всем готовом. Разумеется, я старался все эти годы не для них, но пускай уж пользуются моей добротой.

— Хорошо, — согласился капитан. Я отберу для подобной участи самых отъявленных, и губернатор, то есть вы, поговорите с ними лично. Ладно?

«Губернатор» Робинзон решает судьбу зачинщиков.

Таких нашлось всего двое, и они были приведены к Робинзону, совершенно неузнаваемому в новой одежде даже для тех, кто его неплохо знал. Во всяком случае, за губернатора острова он вполне мог сойти.

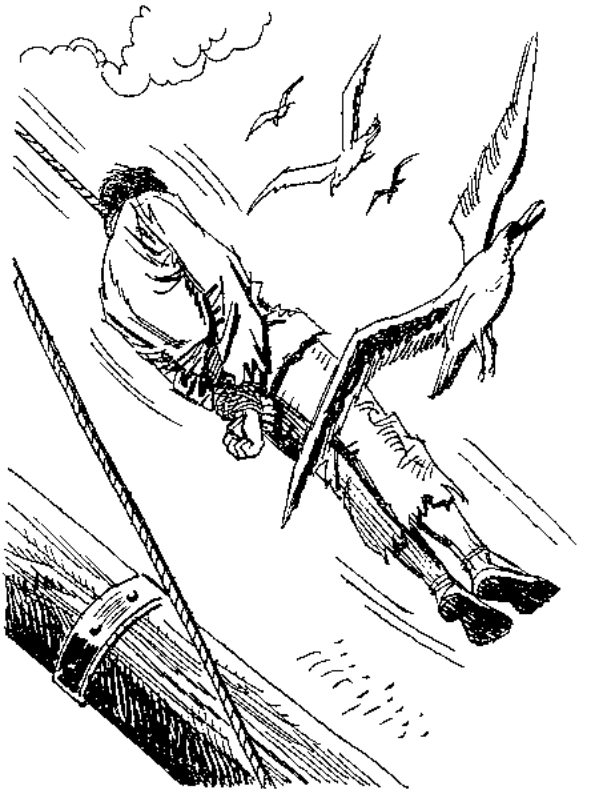
— ..Я много наслышан о ваших недобрых делах, — сурово сказал он им. — Это вы затеяли бунт на корабле и намеревались заняться на нем пиратским промыслом. Это из-за вас погибли или были ранены другие члены команды. И вы должны быть наказаны по справедливости… Посмотрите в ту сторону, где сейчас ваш корабль! Видите там, на рее [6]?.. Такую участь заслужили и вы…

На рее был подвешен, для острастки и по приказанию капитана, один из зачинщиков, убитых во время ночного штурма.

— Ваша светлость! — завопил кто-то из пленников. — Мы просим о снисхождении!

---

[6] Примечания: 6
Рея (рей) — круглый брус, прикрепляемый к мачте.

Один из убитых зачинщиков был подвешен на рее.

— Помилуйте нас! — взмолился другой.

Робинзон сделал вид, что глубоко задумался.

— Хорошо, — сказал он потом. — Не знаю уж, какую милость вы заслужили, однако, если возьму вас в Англию, куда вскоре собираюсь отплыть, там вы будете немедленно преданы суду и вздернуты на виселицу. Так что если хотите спастись, то… что ж, ладно… оставайтесь в живых здесь, на острове. Это я могу для вас сделать.

— О, спасибо, ваша светлость! — закричали в один голос оба мятежника.

И Робинзон, который больше не хотел смертей, решил даже немного помочь несчастным негодяям: велел освободить их от веревок и, выбрав время и позабыв о своем «губернаторском сане», стал показывать им жилище и давать советы, что и как делать, чтобы выжить на острове, а они слушали его, широко раскрыв глаза от изумления. Не забыл он упомянуть и о том, что, вполне возможно, сюда, на остров, прибудут несколько испанцев, и велел встретить их дружелюбно. Что было обещано.

«Губернатор» наглядно показывает, что нужно делать, чтобы выжить на острове.

— Я вскоре вернусь и проверю, — пригрозил Робинзон.

Вскоре после этого начались сборы, подготовка к длительному плаванию.

В последний перед отплытием день Робинзон долго бродил в одиночестве по лесным тропинкам, которые сам протоптал, по склонам холмов, по песчаному берегу, мысленно прощаясь с ними со всеми, ставшими теперь для него такими незабываемыми, близкими.

Утром они с Пятницей были уже на палубе корабля. В память о своем пребывании на острове Робинзон увозил с собой шапку из козьего меха, самодельный зонт, любимого попугая и небольшой ящик с золотыми и серебряными монетами, потускневшими от времени, которые он когда-то взял с затонувшего корабля.

На столбе-календаре, оставшемся стоять недалеко от берега, можно было, если набраться терпения, подсчитать, что с тех пор как он сюда прибыл, прошло ни много ни мало, а ровно двадцать восемь лет, два месяца и девять дней!

Робинзон покидает остров. На столбе-календаре значится, что прожил он здесь двадцать восемь лет, два месяца и девять дней.

Робинзон и Пятница в Англии.

Глава 15. Наконец дома!

Шесть месяцев мотало их по морским волнам до того дня, когда Робинзон с Пятницей добрались до берегов Англии. Это случилось 11 июня 1687 года.

Сразу по прибытии Робинзон отправился в Йоркшир, где когда-то находился его родной дом. Но ни отца, ни матери там не было: они умерли много лет назад. Умер и старший брат, оставив двух сыновей.

Следующие семь лет Робинзон занимался своими бразильскими плантациями, которые, к его удивлению и радости, находились в хорошем состоянии, благодаря заботам добросовестных и честных людей, на которых он их оставил. Но жить в Бразилии ему не захотелось, и в конце концов он продал плантации двум бразильским друзьям, а полученные деньги употребил на то, чтобы помочь детям своего умершего брата получить образование. Один из племянников стал юристом, другой унаследовал страсть Робинзона к морским путешествиям, к торговле, и дядя снарядил для него корабль, на котором тот совершал

успешные деловые поездки.

Когда племянник в очередной раз вернулся из путешествия в Испанию, он стал уговаривать Робинзона в следующее плавание отправиться вместе, и тот согласился: ведь он не выходил в море после возвращения в Англию — уже восемь лет. Пятница все это время был с ним.

Их путь лежал в Южную Америку, и по дороге Робинзон решил заехать на свой остров. Помимо воспоминаний, его влекло желание узнать: что приключилось с мятежниками, оставленными на острове, и с теми испанцами, которые, возможно, приплыли туда.

Увиденное обрадовало Робинзона. На острове царили мир и покой. Англичане и испанцы жили дружно, вместе обрабатывая землю и перенося все тяготы островной жизни.

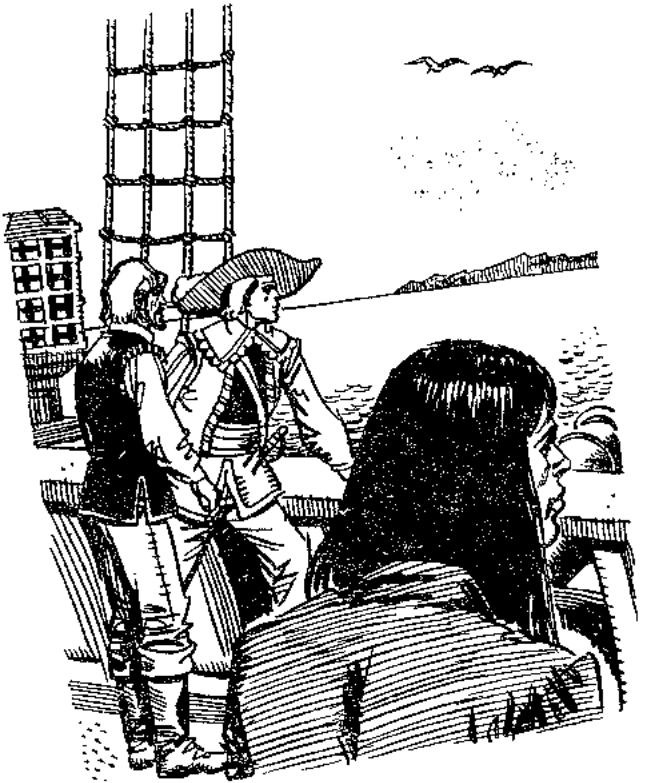
Робинзон со своими племянниками.

Людей там заметно прибавилось: испанцам

удалось вырвать из плена у туземцев одиннадцать белых мужчин и пять женщин и всех перевезти на остров. Поэтому к приезду Робинзона там уже бегало около двадцати детишек.

Робинзон задержался на острове полтора месяца. Он снабдил поселенцев новыми запасами одежды, инструментов, оружия, пороха и оставил там на время корабельного плотника и кузнеца.

Но этим не ограничился. В Бразилии он зафрахтовал целый корабль, нагрузил его домашними животными — овцами, коровами, мулами, свиньями — и отправил на остров. Для ухода за ними он нанял в основном женщин, некоторые из которых, как он надеялся, захотят остаться на острове и обзавестись там семьей.

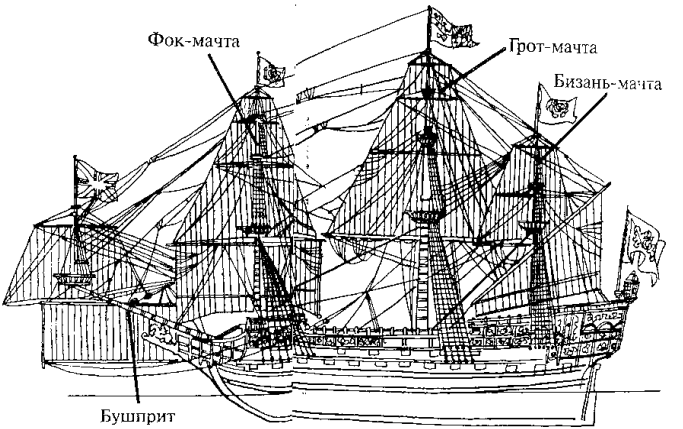
Вот он, остров Робинзона!

В последние годы Робинзон со своим верным

Пятницей не раз наведывался на остров и видел, как разрастается поселение — становится больше людей, животных, продуктов… В общем, почти все у поселенцев уже имелось — кроме, пожалуй, губернатора. Им когда-то был сам Робинзон. А длилось его «губернаторство» целых двадцать восемь лет.

Новое поселение разрастается!

Трехмачтовое парусное судно в годы плавания Робинзона Крузо

БИБЛИОТЕКА «ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ КЛАССИКА»

ВПЕРВЫЕ В РОССИИ

выпускается обширная книжная серия, где каждая страница текста сопровождается ярким рисунком. На читателя, особенно юного, начинающего, это производит двойное эмоционально-психологическое воздействие. Вступление в сферу чтения – это непростой процесс, важная часть образования и развития. Детям бывает сложно сразу одолеть толстый классический том. Вот почему Библиотека «Иллюстрированная классика» представляет лучшие образцы пересказа всемирно известных произведений, а переводы выполнены лучшими российскими мастерами.

ISBN 5-9639-0002-6

9 785963 900024

ISBN 5-9639-0002-6

Обложка Джозефа Мираллеса

Иллюстрированная классика

Даниэль Дефо

ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОБИНЗОНА КРУЗО

"ДЕТСТВО. ОТРОЧЕСТВО. ЮНОСТЬ"